

Татьяна Устименко

Дочь Господня

**Все совпадения — случайны!
При том что случай — не слепой!**

Татьяна Устименко
Дочь Господня
Серия «Экзорцисты», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181714
Дочь Господня: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0350-9

Аннотация

Ох и не простое это оказывается дело – учиться на экзорцистку, набираясь благочестия в специализированном католическом монастыре. И вроде бы в молитвах я пока особо не поднаторела, а уже приходится утихомиривать ангелов, знакомиться с вервольфом, стрелять, драться со стригоями и спасать священный Грааль. В общем, по полной программе оправдывать звание избранной Дочери Господней, коей предназначено найти ключи от рая и ада. А между тем положение у нас неважнецкое – дети Тьмы замутили что-то непонятное и ушли составлять заговор. Ну да ничего, отобьемся, ибо мы еще «ушлее»!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Устименко

Дочь Господня

Все совпадения с реальными или библейскими именами и событиями являются случайными

*Сам Христос нам за командира,
Мы спецназ – истребители вампиров.
Группа «Сектор Газа»*

Пролог

Его Высокопреосвященство Анастасио ди Баллестро, кардинал Туринский легко перепрыгнул через две последние ступеньки и достиг лестничной площадки между третьим и четвертым этажами. Он поднял голову и оценивающе взглянул на оставшийся участок пути, крутыми витками спирально уходящий вверх. Несмотря на изначально взятый высокий темп бега и значительное расстояние, Его Высокопреосвященство даже не запыхался. Видимо, сказывались блестяще оправдавшие себя ежедневные утренние тренировки и правильно сбалансированное умеренное питание. Ди Баллестро без затруднений преодолел еще один лестничный пролет, удовлетворенно прислушиваясь к бурлению молодой силы, переполнявшей эластичные, отлично разработанные мышцы. Пропорциональным телосложением и рельефной мускулатурой кардинал выгодно отличался от всех прочих, безнадежно располневших членов Папской курии, составлявших ближайшее окружение Его Святейшества Бонифация XIII. В свои пятьдесят четыре года он выглядел от силы лет на сорок, идеально сохранив юношескую поджарость, так шедшую к его смуглому лицу с хищным орлиным профилем. Благородная седина едва посеребрила виски Анастасио, придав должный аристократизм этому утонченному представителю старинного дворянского рода, выгодно оттенив и высокомерно поджатый тонкогубый рот, и ноздри изящного очерка, и пламенные черные глаза, утопающие в тени пушистых ресниц. О, кардинал ди Баллестро по праву считался подлинным украшением замкнутого и чопорного Ватиканского двора, слывя одним из самых образованных и интеллектуальных прелатов. Да и Его Святейшество Бонифаций неизменно примечал и жаловал владыку Туринского, обязательно приглашая его как на торжественные заседания церковного совета, так и на традиционные дружеские чаепития, больше смахивающие на элитное сборище избранных. Вот уж где кардиналы от души предавались отнюдь не бдению и молитвам, а неумеренному греховному чревоугодию, так это именно на тех частных папских посиделках. Сам Бонифаций XIII – мужчина физически весьма крепкий и совсем еще не старый, нисколько не чуждался светских развлечений, уважая и современную музыку, и хорошие философские фильмы, и книги модных авторов, а превыше всего – увлекательную беседу. Впрочем, уж в чем, в чем, а именно вот в таких, совершенно не религиозных беседах на знаменитых тайных чаепитиях недостатка как раз и не наблюдалось. Да и сами эти неофициальные, порой даже крамольные разговоры всегда выходили столь же обильными и разнообразными, как и щедрый папский стол. А ведь чем там только не угощали! Сладостями из Перуджи и медом из Авиньона, наливками из Палермо и мармеладом из Падуи, мятными лепешками из Фоджи и золотистым изюмом из Генуи. И немудрено, что мало кто из великих прелатов святой католической церкви сумел сохранить стройность и бодрость тела при столь изысканном и калорийном питании. Кардинал Анастасио, совершенно равнодушный к предлагаемым лакомствам и вежливо принимавший из рук папского

секретаря лишь чашечку зеленого чая без сахара, брезгливо косился на безобразно расплывшегося, разжиревшего Гуччо Одеризи, чьи внушительные телеса вяло колыхались под красной шелковой сутаной. Или же на маленького кругленького Жана де Руво, обильно потевшего от третьей порции горячего шоколада с корицей. Папа Бонифаций хитро усмехался, скромно отщипывал ягоду винограда да принимался еще радушнее, чем обычно, потчевать своих прожорливых кардиналов. Льстивая, жадная до почестей и дармовых яств толпа церковных прихлебателей дружно славилась Его Святейшество, быстро опустошая обширный и богатый стол. И один лишь Анастасио пронизательно замечал, как живой святой иногда предусмотрительно прикрывал веки, притушив острый, мудрый взгляд изумрудно-зеленых глаз. Но сладкожки-кардиналы совсем не понимали, что на самом деле их прочно держат в ежовых рукавицах, приманчиво смазанных поверху мармеладом и пастилой, лишь для приличия учитывая искусственно спровоцированные мнения и советы членов курии. Безупречную тонзуру Его Святейшества окружали волнистые пряди золотисто-рыжих волос. В жилах папы Бонифация текла вольнолюбивая польская кровь, иногда бурно пробивающаяся сквозь налет искусно наложенного смирения и благочестия. И тогда кардинал Туринский сокрушенно хмурился да вздыхал украдкой, сожалея, что Темный покровитель послал ему столь сильного врага, сумевшего собственными стараниями выделиться из провинциальных рядовых каноников и прочно занять священный папский престол. А неудовлетворенное честолюбие неприятно подсказывало Анастасио, что сам-то он, не смотря на родовитость и зажиточность, так и не сумел добиться желанного звания великого понтифика.

Впрочем, сейчас кардиналу было не до этого. Сильные ноги, облаченные в удобные кроссовки, ловко несли его по бесконечным лестницам великолепной ватиканской резиденции. Джинсы и легкая трикотажная рубашка, на время сменившие торжественное церковное облачение, как нельзя лучше подходили для нынешней судьбоносной миссии. На здоровье кардинал не жаловался, поэтому и ждал, скрывая нетерпение, когда наконец-то настанет долгожданный момент применить все свои, так долго накапливаемые выдержку, выносливость и хладнокровие. И вот назначенный час пробил сегодня, девятого числа девятого месяца две тысячи девятого года. Кардинал ди Баллестро бегом пересек длинную галерею, распахнул двустворчатые двери и начал второй этап своего долгого пути, сейчас уводящего его вниз, в сумрачные прохладные катакомбы, расположенные под зданием храма Святого Петра. Ибо именно там, еще с давних времен первых крестовых походов, и находились самые секретные, навечно скрытые от непосвященных глаз ватиканские хранилища.

Кардинал на секунду задержался перед пестрой флорентийской мозаикой, украшавшей холл галереи. Удивительнейшим образом подобранные кусочки цветного стекла в точности воспроизводили худощавый до аскетичности лик Спасителя, глянувший на кардинала с безмолвной укоризной. Анастасио неуютно поежился под обличающим взором неживых, но таких осмысленных глаз.

«Эх, не было печали, взяли – да зачали! – презрительно хмыкнул он, отвечая Господу враждебным пренебрежительным взглядом. – Ну да ничего, и твоя власть не безгранична!» И он торопливо побежал дальше, бережно ощупывая два ключа, спрятанных на груди под ткань рубашки. Первый – обычная пластиковая пластинка от магнитного замка хранилища, а вот второй – старинный бронзовый, от серебряного ковчежца, оберегавшего священный манускрипт. Сегодня – девятого числа девятого месяца две тысячи девятого года, за девять минут до полуночи звезды наконец-то встанут в нужное положение, ознаменовав наступление лунного затмения, длящегося всего девять минут. Легендарное число – 999, на самом деле скрывающее темное знамение – 666. Число Зверя... На недолгое время Зверь проснется – тайный Темный покровитель обретет видимость полной силы, пускай и всего-то на краткие девять минут. Но и этого вполне достаточно. Ибо нынешней ночью огромный Ватикан уснул беспробудным тяжелым сном, ниспосланным в помощь кардиналу-отступнику.

Замертво спят все, даже электронные устройства следящих камер видеонаблюдения, которые показывают на мониторах одни лишь помехи серого снега, надежно скрывающие путь Его Высокопреосвященства ди Баллестро. И никто, даже сам Господь, уже не в силах изменить предначертанное!

Кардинал открыл двери хранилища, быстро миновал собранные в нем чудесные сокровища и подошел к серебряному ящичку, стоящему на специальном, отдаленном от всего прочего возвышении. Бронзовый ключ со скрежетом повернулся в тяжелом замке. Анастасию трепетно протянул дрожащие от волнения ладони и извлек из ковчежца тонкую рукописную книжицу, переплетенную в нежную, бархатистую кожу нерожденных младенцев. Закрыв глаза, мысленно испросил благословения Темного повелителя и торопливо зашептал черную молитву:

– Властью Вельзевула, гневом Белиала, яростью Асмодея – заклинаю тебя, древний гримуар, содержащий память Тьмы и частицу души Люцифера, яви мне свое пророчество!

И будто услышав страстную мольбу предателя, книга ожила. На переплете медленно проступили неровные буквы, угловатые и страшные, словно выпарапанные когтем неведомого чудовища, сложившись в немыслимую надпись – «Евангелие от Сатаны». Отступник испуганно задрожал и чуть не выронил запретный манускрипт. Книга раскрылась сама собой, угрожающе зашелестев пергаментными страницами. Внезапно подул ледяной ветер, наполняя хранилище могильным холодом и первородным, неуправляемым ужасом. Листы из человеческой кожи, пожелтевшие от времени и абсолютно пустые, переворачивались, двигались и шуршали, пока не замерли на середине тома. Кардинал осторожно достал из кармана склянку темного стекла, откупорил ее и капнул на страницу несколько капель крови непорочной девственницы, достать которую было совсем не просто. Алая жидкость тут же загорелась яркими искрами, плавно перетекавшими в буквы и слова, появляющиеся лишь на миг и почти сразу тающие бесследно. Кардинал читал взахлеб, боясь пропустить или забыть что-то важное. Его неожиданно охрипший голос торжественно раскатился под сумрачными сводами хранилища:

– ... и наступит смутное время. Воссияет на небосклоне звезда по имени Полярная – предвестница конца света. Разверзнутся хляби небесные, хлынут из Ада исчадия тьмы, а мертвые восстанут из могил. И явятся на землю дети Сатаны в сопровождении демонов своих, не убоясь карающих мечей ангелов смерти. Но выйдет против них Дщерь Господня, зачатая во грехе и несущая наследие падшей крови, но чином архангельским осененная. А в руках у нее будут ключи от Рая и Ада. И никому не ведомо – спасет ли она от гибели Царство Божие и человеческое, или же наоборот – приблизит наступление апокалипсиса...

Тут кровь в склянке закончилась, и буквы потухли окончательно. Кардинал задумчиво закрыл проклятую книгу и бережно убрал ее обратно в серебряный футляр.

– Дщерь Господня! – он недоуменно возвел глаза к низкому потолку, словно пытаясь узреть лик незнакомой девы. – Кто же ты, Дочь Господня, и где мне искать тебя?

Но ответа не последовало.

Часть первая

Глава 1

В распахнутое настежь окно веяло благодатной ночной прохладой. Я с наслаждением зевнула, чуть не вывихнув челюсть, и глубоко вдохнула свежий, бодрящий воздух. Привычно принялась анализировать букет наплывающих ароматов. Так, что там у нас сегодня в наличии? Натренированное обоняние тут же услужливо выхватило незабываемый, пьянящий запах пробуждающейся от зимней спячки виноградной лозы, а еще – тончайшее амбре искристого снега со склона Альпийских гор, отдающее молодой травой и едва распустившимися первоцветами. Слава Всевышнему, я не уловила ни сладко-мертвенного привкуса теплой крови, ни тяжелого смрада гари и пепла. Значит, врагов поблизости не наблюдается, ведь ведьма всегда пахнет ведьмой, приторным зловонием злобного умысла и горечью нечистой совести. Но сейчас в спящем аббатстве царили благодать и умиротворение. Лишь с кухни чуть ощутимо тянуло легким чадом подгоревшей рыбы. Ну, ясно дело, опять наша стряпуха – толстая сестра Катерина, ночной трапезой грешную плоть тешит. Я проказливо улыбнулась. «Помните, дети мои – плоть слаба, зато дух силен!» – любит непритворно-пафосно изрекать в таких случаях наш главный экзорцист отец Бернард. А нерадивые студиозы украдкой прыскают в кулак и злорадно добавляют: «Если дух так силен, то почему же всегда в итоге выигрывают грешные, плотские устремления?» Мда-а-а, неувязочка, однако, получается. Ну да это все сухая теория. А на практике святой отец непререкаемо прав – никогда не ослабляй контроля духа над телом, приглядывайся и принимайся, бди. Не дай Господи – запахнет адскими соблазнами, да ползут из Тьмы твари нечистые и богопротивные, ибо Дьявол – не дремлет. Вот поэтому все мы, с самого юного возраста приучены мгновенно и безошибочно выделять из окружающего многообразного мира мельчайшие проявления хитроумных происков злейшего врага рода человеческого. И искоренять их без промедления. Ведь для этого нас здесь и готовят – молодых экзорцистов!

Но сейчас-то все спокойно. Ну, почти все! Я недоуменно нахмурилась, пытаюсь понять, что именно и так не вовремя вырвало меня из сладких объятий сна задолго до начала утренних занятий. Бросила мимолетный взгляд на электронный циферблат, весело помаргивающий на прикроватной тумбочке: пять после полуночи. Небо на горизонте едва начинает нехотя окрашиваться в нежнейшие розовые тона. Рано-то еще как, даже сладкоголосые малиновки молчат и не торопятся заводить привычную предрассветную распевку. Я поправила сползшую с плеча бретельку ночной рубашки, перевернулась на другой бок и удобно прижалась щекой к сложенным ладоням, приготовившись посмотреть еще парочку снов, как вдруг... Да, именно этот надоедливый звук и испортил мое упоительное видение, в котором я, крепко упершись прикладом автомата в мешок с песком, щедро поливала смертоносным свинцом толпу мерзких упырей, жалобно корчившихся под ливнем освященных пуль. Правильно, туда им и дорога! А еще, нефига на ночь ужасы по телевизору смотреть... Я старательно зажмурила глаза, пытаюсь усилием воли вернуть себя обратно в царство древнегреческого бога Гипноса, но не тут-то было. Со стороны открытого окна повторно донесся протяжный мучительный стон. Я вмазала кулаком по ни в чем не повинной подушке, нехотя сползла с кровати и, не обременяя себя нашариваем куда-то затерявшихся тапочек, босиком прошлепала к окну...

Думаю – он давно уже устал и выбился из сил. Белоснежные, пышно оперенные крылья трепыхались часто и натужно, как у замученной птички колибри, зависшей перед цветком, но так и не сумевшей подобраться к вожделенному нектару. Сравнение мне понрави-

лось, хотя парящий за окном юноша больше смахивал не на изящную колибри, а на мокрую от пота взъерошенную курицу. Причем курицу, добровольно готовую на все что угодно, хоть на отправку в суп, хоть на жарку в гриле. Обильные и отнюдь не ароматные потеки пятнали ворот некогда белой туники. Очередная крупная капля пота повисла на носу утомленного юноши и, сорвавшись, оросила изрядно замызганный наряд. Я скептически хмыкнула. И какому дураку пришло в голову назвать пот ангелов божьей росой? Кажется, блаженному Августину. Вот именно, блаженному – это не иначе как от слова блажь. Ибо пахнет от замученных ангелов ничем не лучше, чем от обычных взопревших мужиков.

– Ну, как ты там, Казанова местного значения? – милосердно осведомилась я. – Поутихли, поди, гормоны-то? Ведь с полуночи здесь висишь...

Плененный ангел приоткрыл пересохший рот:

– Забери тебя адское пламя, Селестина! Тебе не кажется, что это слишком жестокое наказание за столь незначительный проступок? И чего ты за нее так цепляешься, за эту свою треклятую девственность? – хрипло каркнул он.

– Проклятиями сыпем, значит! Богохульствуем, значит! – ехидно подметила я. – А это, мой сексуально озабоченный друг, уже чревато чем-то гораздо большим, чем просто лишение десерта за обедом!

Ангел одарил меня обиженным взглядом огромных аквамариново-голубых глаз.

Я вздохнула и коротко пробубнила освобождающую молитву. Псалом кающейся Магдалины, удерживающий юношу в воздухе и не позволяющий ему опуститься на землю или сложить крылья, спал, ангел коротко всплеснул затекшими конечностями и чуть не рухнул вниз, но чудом успел зацепиться за оконную раму. Я хмыкнула, к месту вспомнив анекдот о том, что «на следующее утро чудо распухло и мешало ходить». Юноша всхлипнул, напрягая мускулы рук и тщетно стараясь самостоятельно удержаться от падения, и тут я усоветилась. Потянула его за грязную тунику, помогая вскарабкаться на подоконник. Ангел, стройный и гибкий, но вместе с тем мускулистый и широкоплечий, с трудом протиснулся в оконный проем и уселся, свесив ноги в комнату. Недовольно нахмурившись, я в упор разглядывала запыхавшегося поклонника. Ну вот спрашивается, чего я ерепенюсь-то, чего упираюсь? Какого рожна мне еще надобно? Ведь хорош парень – взора не отвести. Глаза голубые в половину лица, ресницы длиннее и гуще, чем у меня самой, кудри серебряные до пояса. А уж фигура! Весь мужской состав римско-греческого пантеона нервно курит в стороне. Да по нему чуть ли не половина наших девчонок сохнет, а я все отнекиваюсь да отказываюсь... Я опять вздохнула.

Ангел криво усмехнулся, сгреб с тумбочки вазу с цветами, не глядя швырнул через плечо увядший букет и надолго присосался к узкому сосуду с чуть подтухшей водой.

– Натаниэль! – шокировано рявкнула я.

Ангел облегченно рыгнул, обдавая меня запахом гнилых левкоев, снял с губ квелый стебелек и бестактно утерся подолом драной туники. На краткий миг перед моими выпученными глазами мелькнули крепкие загорелые ляжки, эротично покрытые светлым пушком.

– А че сразу Натаниэль-то? – уже нормальным, глубоким и проникновенным баритонном возмутился ангел. – Да мне, если судить объективно, за подобное библейское страстотерпие, непременно должны внеочередной архангельский чин присвоить. Пять часов в воздухе! Беспосадочный перелет, покруче чем у знаменитого Чкалова! Ну и садистка же ты, Сел!

– Господь терпел и нам велел! – иронично подмигнула я.

Натаниэль натянуто улыбнулся:

– Сел, в тебе же благочестия ни на грош нет. Пренебрегаешь ты, дева, заповедями божьими. Не только отказываешься от проведения обязательного для всех экзорцисток риту-

ала получения личного ангела-хранителя, так еще и охранными молитвами ограждаешься! – голос ангела преисполнился праведным гневом, голубые глаза метали взбешенные молнии.

Но на меня подобные примитивные приемчики не действовали ни капельки. Я фамильярно потеснила потного ангела и тоже уселась на подоконник, скромно подбирая голые ноги под подол длинной муслиновой рубашки. Натаниэль жадно пялился на мои обнаженные плечи и грудь, едва прикрытую полупрозрачной тканью.

– Селестина, – вкрадчиво начал он, – ну, может, ты смилостивишься и передумаешь наконец-то?

– На чей конец? – язвительно поддела я и упрямо мотнула головой, откидывая назад растрепанную гриву волнистых медно-рыжих волос. Несколько томительно долгих минут мои зеленые глаза хладнокровно выдерживали испепеляющий натиск его ангельских очей. Первым сдался юноша, он огорченно шмыгнул изящным носом и отвернулся. Я утешающее похлопала его по липкому плечу:

– Нат, ну неужели мы не можем остаться просто друзьями?

Натаниэль дернулся так сильно, что перья на его крыльях обиженно зашелестели. Он прыгнул на пол и встал передо мной с видом ментора, картинно уперев руки в боки.

– Селестина, не мне учить тебя правилам! Согласно уставу, каждой экзорцистке положено иметь личного ангела-хранителя, и ритуал возможно осуществить лишь путем телесной близости, забрав девственность. Тебе же все равно рано или поздно придется выбрать одного из нас. Не я – так значит кто-то другой...

Я багрово покраснела, поспешно отводя взгляд от некоей части его тела, рельефно прорисовывающейся под тонкой тканью туники и наглядно свидетельствующей о непоколебимой готовности провести обряд сейчас же, прямо на этом подоконнике. Натаниэль растерянно ойкнул и прикрылся ладошками.

– Да пойми же ты, глупый, – виновато промямлила я, – ну не люблю я тебя, не люблю!

– Да при чем тут любовь? – вспылил выведенный из себя ангел. – Это же ритуал!

– А без любви не способна я этим заниматься! – я упорно отводила глаза. – Это уже изнасилование какое-то получается!

– Да ну, с чего бы это вдруг! – опешил юноша. – Ты просто закрой глаза и расслабься, а все остальное я сделаю сам! И к тому же, я-то ведь люблю тебя искренне и страстно!

Но я отрицательно помотала головой и на всякий случай крепко зажала подол ночной рубашки между плотно стиснутых коленок:

– Даже и не проси. Все равно я не стану опошлять вульгарным согласием твою возвышенную любовь!

Натаниэль огорченно всплеснул руками и страдальчески возвел очи к потолку, недвусмысленно проклиная мое злополучное упрямство. А мне так и хотелось съязвить на счет того, как крепко он блюдет божьи заветы, заставляющие его лазить по ночам в окна девичьих спален с целью воплощения в жизнь хитроумного плана превратиться в личного ангела-хранителя одной упрямой рыжеволосой экзорцистки. К счастью, а вернее – на беду Натаниэля я никогда не пренебрегала практиками по защитным молитвам, в связи с чем крылатый ловелас и провисел недвижимо на подступах к моей кровати долгие пять часов. Мне же это грозило крупными неприятностями в виде недопуска к годовому экзамену по божьему слову. Осознав всю масштабность последствий своего безрассудного поступка, я приуныла. Видимо, эти душевные метания отразились на моем неумытом лице столь красноречиво, что Натаниэль ликующе расправил крылья и попытался неловко облапить меня своими гламурно загорелыми накачанными руками. Я возмущенно фыркнула:

– Да я лучше в монашки подамся, к кармелиткам. Там как раз девственность ценится превыше всего прочего и является обязательным условием для вступления в общину благочестивых сестер.

Ангел коротко хохотнул и подмигнул мне с самым скабрёзным видом:

– Аллилуйя Господу, даровавшему девицам доверчивость! Сел, неужели ты наивно веришь в хваленую непорочность божьих невест? Ну-ну! То-то Уриэль чуть ли не каждую ночь в монастырь летает. Говорят, сестра Аннунциата славится непревзойденной белизной кожи и пышной грудью шестого размера, а...

Но я торопливо зажала рот не в меру говорливого юноши своей крепкой ладошкой:

– Ну и трепло же ты, Нат! Меня ничуть не интересуют подробности личной жизни твоего начальника! И вообще, уматывал бы ты подобру-поздорову, пока подъем не объявили и тебя не застучали в коридорах женского общежития.

Натаниэль молодецки повел красивыми плечами:

– Ну и что? Тебе же рейтинга в глазах сокурсниц добавлю. Весна ведь, экзамены на носу, самое подходящее время хранителями обзаводиться...

Донельзя раздосадованная его упертой, однобокой настойчивостью, я молча ухватила Натаниэля за руку, развернула к себе спиной, открыла входную дверь и пинком выпихнула упорствующего ангела из комнаты. Возмущенно встопорщенные крылья шумно пробороzdили дверные косяки, едва не вынеся резную дубовую створку. Я с грохотом захлопнула дверь, чуть не прищемив два белоснежных пера. Натаниэль разочарованно подергал бронзовую ручку, но, так и не дождавшись моей ответной реакции, тяжело вздохнул и неторопливо зашагал по длинному коридору, искоса бросая похотливые взгляды на запертые двери девичьих спален. Я прижалась ухом к замочной скважине, прислушиваясь и мысленно хихикая. Ну конечно, неужели такой завзятый сердцеед и красавец, как наш Натаниэль, покинет поле любовного боя без напускной бравады? Ведь всем известно, что весна совершенно одинаково действует как на котов, так и на молодых ангелов. Интуиция меня не подвела. Юноша остановился где-то вровень с секцией художниц, подготавливаемых для создания чудотворных икон, кашлянул, прочищая горло, и взревел, будто труба иерихонская:

Ты не ангел, но для меня,
Но для меня – ты стала святой,
Ты не ангел, но видел я,
Но видел я твой свет неземной!¹

Я восхищенно присвистнула – голос у ангела и в самом деле отменный, как и положено по небесному чину. Куда там до него какому-то писклявому, но почему-то всенародно любимому Энрике Иглесиасу. К тому же песня «Ты не ангел» известного российского певца чрезвычайно популярна на факультете «промысловиков», где и обучается Натаниэль. Да и русский у него – безупречный. «Промысловиками» у нас в аббатстве привычно называли учащихся факультета «промысла божьего», а способностью к языкам и врожденной музыкальностью исконно отличались все сыны небесные.

Но талантов исполнителя не оценили. Одна из дверей распахнулась с угрожающим скрипом, и оттуда выглянуло жутко злое, заспанное женское личико:

– Дятел! Недоносок крылатый! Петух недощипанный! – в ангела полетела увесистая ортопедическая подушка, набитая гречишной шелухой. – Кастрат недоделанный! Иди, на крыше мявкой!

Натаниэль осекся на середине фразы. До меня донеслось его разгневанное сопение:

– Дура! Я тут, понимаешь, почти серенады пою, а ты...

Но звук нескольких смачных шлепков заметно поумерил пыл непревзойденного баритона. Я злорадно хмыкнула – рука у художниц тяжелая. Подошвы сандалий Натаниэля в

¹ Слова из песни в исполнении певца А. Глызина.

ускоренном темпе защелкали по паркетному полу, судя по замирающему эху – удаляясь все дальше. И на прощание до меня долетела еще одна музыкальная импровизация, куда более фривольного содержания:

Кто с утра в грехе покается,
Не трепещет пред искусом,
От любви он зря не мается,
И грешит всегда со вкусом...²

«С утра?» – мелькнуло в голове. Я посмотрела в сторону окна. Солнце вальяжно выползло из-за туманной линии Альп, а на развесистой буковой ветке, как раз напротив моей комнаты, сидела нарядная малиновка и с видом оперной примадонны раздувала лазоревое горлышко, собираясь спеть гимн восходящему светилу. Я хлопнула себя по лбу. Так утро ведь уже! Торопливо стянула через голову длинное ночное одеяние, напялила футболку, шорты, кроссовки и выскочила в коридор. Вихрем промчалась по всему этажу, попутно стуча в двери подруг и призывая их на пробежку. Из спаленок раздавалось недовольное ворчание, сдобренное щедрой порцией весьма пикантных словечек. Я громко расхохоталась в ответ на сердитые пожелания: «Да пошла ты к чертям, Сел!», и резво сбежала по мраморной лестнице.

Стояло самое начало февраля. Весна в наших краях начинается довольно рано, уже в последних числах января растапливая скромные кучки скудного снега и пробуждая к жизни набухшие почки деревьев. Первые робкие ростки травы торопятся пробиться на свет божий, радуя глаз нежным цветом и девственной беззащитностью. К полудню столбик термометра достигает отметки в десять градусов, но сейчас, на рассвете, температура окружающего воздуха еще способна испытывать крепость духа и бодрость тела любого, излишне самоуверенного храбреца. Бр-р-р, а прохладно, вообще-то! Плюс пять, не больше. Я зябко поежилась и прибавила ходу. Вот вам и наглядный пример демонстрации силы воли. В феврале никто, кроме меня, не отваживается выскакать на зарядку в шортах и футболке. Наоборот, все прочие обитатели аббатства усиленно кутаются в теплые джемперы и смотрят на меня, словно на ненормальную. Но, как учит мудрый сенсей Кацуо, дух воина никогда не приживается в хилом теле. А поскольку сильнее всего в жизни я мечтала называться именно настоящим воином, то мгновенно усмирила бунтующий от холода организм несколькими энергичными упражнениями и во все нарастающем темпе помчалась по усыпанной гравием садовой дорожке. Мой излюбленный утренний маршрут три раза огибал невысокий холм, узким серпантинном поднимаясь на его плоскую вершину, где размещался флигель аббата Ансельма, занимавшего пост отца-настоятеля. Я старательно выполнила китайскую дыхательную гимнастику и засмотрелась вниз, на подернутую зеленой дымкой долину.

Крохотный городок Салуццо, возле которого и располагается наша скромная обитель – аббатство ди Стаффарда, недаром называют прекраснейшей жемчужиной провинции Кунео и самым сердцем северного Пьемонта. Население городка не превышает двадцати тысяч человек, неповторимых достопримечательностей, кроме собора Сан-Бернардо, в нем нет, поэтому от наплыва туристов мы особо не страдаем. Само аббатство для посетителей закрыто давно и безоговорочно особым указом Ватикана. Немногочисленные приезжие чаще всего интересуются развалинами моего фамильного замка, ныне превращенного в главную городскую тюрьму, хотя, на мой объективный взгляд, смотреть там, честно говоря, и не на что. Ничего выдающегося, обычная мрачная серая башня, одним боком выходящая на берег реки По, а другим – в предгорье Коттийских Альп. Скукотища смертная. Так что никакого воз-

² Здесь и далее стихи автора

вышнего пиетета к своему наследственному землевладению я не питаю, хотя старый горбатый Джузеппе, наш главный экскурсовод и сплетник, при очередной случайной встрече всегда долго и старательно пеняет мне за открытое неуважение к родовым традициям. Типа уж кому-кому, а мне-то это совершенно не к лицу.

Вспомнив непритворный гнев восьмидесятилетнего зануды, я насмешливо хмыкнула и, отыскав глазами мрачную замковую башню, присела в низком реверансе. Будем же взаимно вежливы. Ты – древнее гнездо маркграфов де Салуццо, а я – Селестина дель-Васто, последняя наследная маркиза де Салуццо из семьи, ведущей род от графа Адальберта и Беатрисы, происходящей из линии савойских королей. Имя громкое, старинное и в наших местах – почти легендарное. Но на деле толку и пользы от титула – кот наплакал, а всяческих неудобств – полным-полно.

Я взгромоздилась на каменную садовую скамью; ее холодная и покрытая росой поверхность пророчила мне развитие скорого и бурного аднексита, сплела ноги в позе лотоса, соединила кончики указательных пальцев и попыталась сосредоточиться, мысленно открывая ментальные чакры влиянию космического астрала. Но то ли чакры у меня заржавели капитально, то ли разминалась я на этот раз не слишком старательно, но душевное очищение почему-то совсем не спешило снизойти на мою лохматую рыжую голову. Везет же Натаниэлю, вот он всегда и без особых хлопот умудряется впадать в сильнейший ментальный транс, особенно при виде пары стройных женских ног.

Я больно прикусила губу, сдерживая непроизвольно рвущийся наружу смех и невольно вспоминая коронную фразу отца Ансельма, весьма скептически относящегося, невзирая на папские эдикты, к пребыванию женщин во вверенной его надзору святой обители. «Пророчат бабы нам беду, а место ихнее – в аду!» – любит изрекать настоятель, неодобрительно помаргивая вслед кокетливым аббатским воспитанницам. Впрочем, молодые ангелы – важнейший объект неусыпного контроля и восхищения отца Ансельма – отнюдь не склонны разделять ханжеские принципы своих церковных пастырей. «Райские наслаждения, но искушения-то бесовские!» – так и читается в озабоченных мужских глазах. Может, монахи с канониками и являются для крылатых братьями по разуму, но чаще всего ангелов почему-то тянет к молоденьким сестрам по глупости. Взять, к примеру, хотя бы того же Уриэля... Тут я громко прыснула вслух. Кажется, его интимные похождения оставались тайной лишь для самого ангела. Впрочем, рядом с этим красавцем даже мне зачастую сложно оставаться равнодушной к его чарам, старательно направленным на ежедневную реализацию земных плотских грехов. Уриэль не пропускал ни одной юбки, так галантно и ненавязчиво обольщая прекрасную половину человечества, что, оказавшись поблизости от него, дамы обычно мгновенно заболели сразу двумя душевными болезнями – манией величия и манией преследования. Хорошо хоть, что детей от подобных союзов никогда не рождалось. Но, с другой стороны...

И тут с небес наконец-то снизошло что-то мягкое и весьма увесистое, заставившее меня с громким воплем свалиться с каменной скамьи.

Нет, это оказалась вовсе не божья благодать. Упитанная персидская кошка, гордость и единственная любимица пастыря нашего, отца Ансельма, возможно тоже уловившая эротические эманации посторонних размышлений, или же попросту одуревшая от весенних ароматов, скакнула прямо на меня с ветки развесистой липы, где она отсиживалась по каким-то своим неведомым кошачьим делам. Тяжеленькая дымчатая тушка, носившая благородное имя Стелла, с громким и дружелюбным мурчанием заползла на грудь поверженной жертвы, словно извиняясь за причиненное неудобство. Кошек я люблю, но без излишнего экзальтированного благоговения и сюсюканья, и всегда удивляюсь, наблюдая, как млеют женщины, получив комплимент, сравнивающий их с киской. Они-то, наивные, сразу воображают себя в роли очаровательного беззащитного существа, а отнюдь не в качестве истеричной, бло-

хастой, гадающей по углам твари. Ведь каждый в первую очередь верит в то, во что ему хочется верить сильнее всего.

– Ладно уж, матушка аббатиса, – беззлобно извинила я глупое животное, называя Стеллу тем насмешливым прозвищем, которым и именовали ее проказливые студиясы, выразительно намекая на особые отношения, связывавшие, по их предположению, аббата и красавицу-кошку. – Мир, дружба, жвачка, и каждый остается при своем интересе. Договорились?

Но курносая кокетка протестующе мяукнула что-то жалобное и просительно потерлась головой о мою ладонь. Мне сразу же стали понятны ее плачущие интонации – нежное ушко Стеллы уродовала глубокая царапина, несомненно, доставляющая животному сильную боль. Я немедленно поднялась с земли, бережно прижимая к груди раненую красавицу. Кошка доверчивым комочком сидела на моих руках, явно ожидая помощи и сострадания.

– Ах ты, несчастная, – жалостливо ворковала я, продираясь сквозь спутанные ветки кустарника. – Давай-ка я отнесу тебя к твоему хозяину, а он-то уж непременно вылечит это бархатистое ушко!

Утешая кошку таким нехитрым образом, я быстрым шагом приблизилась к флигелю, где находились личные покои отца Ансельма, намереваясь постучать в окно и с рук на руки сдать настоятелю его питомицу, тем самым заслужив хоть малую толику признательности обычно неприветливого и скупого на похвалы аббата. Но окно, ведущее в покои святого отца, оказалось приоткрытым. Более того, первые же слова, донесшиеся из комнаты и достигшие моего слуха, заставили меня присесть в тени огромного куста акации и трепетно вслушиваться, боясь пропустить хотя бы один звук. Кошка, видимо, тоже проникшаяся важностью момента, замерла, крепко вцепившись коготками в мою грязную футболку.

Первый голос, резкий и неприятный, принадлежал, несомненно, самому отцу Ансельму. Нет, я вовсе не собралась подслушивать, но фраза, долетевшая до моего острого слуха, сразу же вызвала холодок в душе и дрожь в коленках.

– Делегация стригоев прибыла перед самым рассветом, потому все переговоры перенесены на следующую ночь! – спокойным, обыденным тоном произнес настоятель, как нечто привычное четко выговорив страшное слово «стригой».

Я потрясенно обмерла...

Я тут же до крови прикусила язык, сдерживая рвущийся из глубины души крик. Кожа покрылась мелкими пупырышками озноба. Само грубое, резкое, смахивающее на свист бича прозвище «стригой» рождало в уме картину чего-то первородно-темного, непобедимого, как стихия, и жгучего, как яд. Слишком часто при чтении оккультных трактатов я сталкивалась с названиями различных, почти сказочных богопротивных тварей, к борьбе с которыми нас и готовили. Василиски, упыри, ундины, мавки, вурдалаки, волколаки и прочая мелкая шушера вызывали лишь слабое подобие улыбки на моих упрямых губах, будя недоверие и пренебрежение к разнузданному полету суеверного человеческого воображения. Но стригои... Уж слишком живой и пугающе правдоподобной выглядела копия портрета великого графа Дракулы – знаменитого Влада Цепеша, небрежно свернутая в тугой рулон и глубоко засунутая в недра пыльного книжного шкафа. Я торопливо развернула случайно обнаруженный неподатливый холст и вздрогнула от пристального взгляда зеленых, высокомерно прищуренных глаз средневекового вельможи. Из-под высокой куньей шапки элегантно спускали длинные пряди темных волос, изысканно обрамляя узкое лицо с пренебрежительно оттопыренной нижней губой и сильным, властным подбородком. Нарочитая пышность костюма лишь подчеркивала реальность чрезмерно истощенного лица, вряд ли когда-либо принадлежавшего обыкновенному, посредственному человеку. Нет, в облике незнакомца проскальзывало что-то мистическое, сакральное... С трудом оторвавшись от гипнотического лица,

я скосила глаза и почитала надпись под портретом, гласившую: «Писано в год 1465 от Р.Х. с сиятельного Влада Цепеша, воеводы Валашского». «Все верно, значит, это и есть он! – гулко бухнуло сердце. – Великий отец бессмертных вампиров, воспетый Бремом Стокером. Сам легендарный граф Дракула!»

Каюсь, я самым наглým образом выкрала из библиотеки никому не нужный портрет, испытывая странное и загадочное влечение к этому удивительному существу. С тех пор мои познания в области вампиризма значительно расширились. Я перечитала все книги, какие только смогла раздобыть, обшаривая самые отдаленные закоулки Интернета в поисках интересующей меня информации. Я также пересмотрела кучу фильмов, начиная от примитивных черно-белых с демоническим Бела Лугоши в роли грозного «Носферату – призрака ночи» и заканчивая современными – с чернокожим Уэсли Снайпсом, харизматично выступающим в образе благородного вампира Блейда. Но сказка продолжала оставаться всего лишь сказкой, так и не дав ответа на главный вопрос – существуют ли эти злейшие враги рода человеческого на самом деле? А если все-таки существуют, то откуда они взялись? И вот...

– Делегация стригоев прибыла перед самым рассветом, поэтому официальная встреча состоится следующей ночью! – буднично повторил отец Ансельм, словно акцентируя мое внимание на этом неординарном событии.

Я торопливо зажала ладонью несчастную кошачью мордочку, не рассчитывая на благоразумие и молчание Стеллы.

– Что понадобилось Проклятым на этот раз? – сухо поинтересовался брат Бернارد, смиряя нотки возмущения и отвращения, против его воли все же проскользнувшие в голосе главного экзорциста.

– Крови, чего же еще! – хмыкнул настоятель. – Соглашение действует уже более двухсот лет. Думаю, за истекшие годы Дети Тьмы здорово соскучились по настоящей охоте.

– Но лицензии... – возмущенно начал экзорцист, но его прервал громкий мелодичный мужской смех.

– Жалкие подачки, – презрительно отчеканил третий собеседник, – вот что такое эти пресловутые лицензии! Они лишь разжигают непомерный аппетит. А мертвая кровь постоянно усиливает укоренившуюся жажду живой крови...

Живая и мертвая кровь... Я подползла еще ближе к стене флигеля, мучимая жутким любопытством. Никогда не слышала ничего подобного! И этот голос...

– Ваше Высокопреосвященство как всегда правы, – угодливо шепнул отец Ансельм. – Никто не сравнивается с вами в начитанности и образованности!

«А-а-а! – внезапно осенило меня. – Не иначе, к нам в обитель лично приехал напыщенный кардинал Туринский, самый красивый и изысканный прелат святой католической церкви». Я наконец-то узнала этот елейный, медоточивый голос. Мне уже приходилось встречаться с Анастасио ди Баллестро, возглавлявшим торжественную службу на Рождество прошлого года в главном столичном соборе – Сидонской капелле. Той самой, где хранится легендарная Туринская плащаница. Я удостоилась высокой чести попасть в число лучших воспитанников аббатства, приглашенных на праздник. Меня совершенно очаровали резные балюстрады хоров, расписные створки древнего органа и щедро вызолоченный аналой. Но сам кардинал ди Баллестро не понравился мне категорически. Было в его лице что-то неуловимо порочное, двуличное. Некая затаенная скользкость души, проглядывающая сквозь безупречно аристократичную, нарочито холеную внешность. Поддельная, сусальная красота лживого херувима. И вот именно этот красавец-кардинал выступил в роли папского легата, скрытно прибывшего в нашу скромную обитель. Все это настораживало и наводило на определенные размышления.

Вот черт, прости меня Господи! Углубившись в чувство антипатии к кардиналу, я легкомысленно пропустила часть беседы.

– Великая охота официально разрешена раз в год, в феврале, – продолжал невозмутимо разглагольствовать кардинал. – А в промежутках между сезонами донорские центры, принадлежащие Ватикану, уже не справляются с возросшими запросами новых кланов!

«Час от часу не легче! – я еще сильнее стиснула несчастную кошку. – Церковь что, сама снабжает стригоев кровью? Обалдеть!»

– Думаете, они потребуют пересмотра Соглашения? – возмущенно ахнул брат Бернард.

– Уверен! – авторитетно подтвердил ди Баллестро.

– А я теперь вынужден терпеть присутствие мерзких отродий Тьмы в стенах своей благочестивой обители! – брюзгливо ворчал настоятель.

– Кстати, уважаемый брат, а где вы поместили графа Деверо? – словно невзначай поинтересовался кардинал деланно безразличным тоном.

– В бордовой комнате! – сердито ответил Ансельм. – Лучшие покои в аббатстве, только боюсь, они там все изгадят...

Про бордовую комнату мне уже доводилось слышать неоднократно, она находилась как раз над нами, на третьем этаже флигеля. Самые шикарные покои во всем аббатстве. Не велика ли честь для мерзких кровососов?

– Бойтесь их? – сочувствующе хмыкнул кардинал.

– Боюсь! – честно признался отец-настоятель. – Пусть в монастыре полно ангелов и сильных экзорцистов, но все равно, от одного взгляда этого дьявольского графа кровь в жилах стынет!

– В аббатстве готовят боевых экзорцистов? – с плохо скрытым удивлением в голосе воскликнул кардинал Туринский. – Я правильно вас понял, отец Ансельм?

– Воистину так! – горделиво выдохнул настоятель. – По высшему указанию самого папы, тайно и усиленно. И все равно – мне боязно ночевать под одной крышей со стригоями...

– Ну, зачем же так демонстративно не доверять нашей компетентной защите! – обиженно запротестовал брат Бернард. – У меня много талантливых девушек. Взять хотя бы Оливию или Селестину...

– Женщины? – не поверил ди Баллестро. – Женщины становятся более сильными экзорцистами, чем мужчины?

Бернард замялся.

– Да, Ваше Высокопреосвященство! – нехотя засвидетельствовал он. – Они более любимы Господом нашим и одарены им сверх меры...

Кардинал язвительно хмыкнул:

– Несправедливость, нонсенс! Не уважаю женщин! Как можно доверять тому, кто пять дней в месяц кровоточит, да все никак не сдохнет?

Я стиснула зубы, с трудом сдерживая гнев. Ах, как сильно вы не любите женщин! Уж не извращенец ли вы, неуважаемый прелат? Мстительные строчки мгновенно срифмовались сами собой:

Коль женщин ты совсем не любишь
То так и быть, Господь с тобой!
Себя грехом ужасным губишь,
Ведь ты, наверно... голубой!

А ди Баллестро продолжал изошряться в скабрзностях:

– Женщины есть по сути своей низшие создания, весьма похожие на вампиров. Всю жизнь только и занимаются тем, что сосут кровь из мужчин. Я склонен считать их грязные

дни совсем не физиологической особенностью организма, а банальным выбросом излишков неправомерно употребленного...

Отец Ансельм, тоже не отличавшийся особой благосклонностью к женскому полу, глумливо захохотал. Я возмущенно дернулась, кусты предательски зашуршали.

– Слышите, что это? – встрепнулся кардинал.

Настоятель с кряхтением выбрался из кресла и тяжелой походкой беременного бегемота протопал к открытому окну. Понимая, что сейчас меня обнаружат, я поспешно отодрала от себя пригревшуюся кошку и водрузила ее на спутанные клубки веток, начинавшиеся прямо под окном аббатских покоев. Дородная туша отца Ансельма перевесилась через подоконник.

– Да это же моя Стелла! – умиленно заворковал он. – Кис-кис! Иди к папочке, крошка!

Настрадавшаяся кошка переползла в комнату, утробно мяукая и скорбно жалуясь на все обиды, выпавшие на ее долю.

– Как это неблагоприятно, оставить окно открытым! – с упреком произнес кардинал. – Замнем щекотливую тему и займемся-ка заодно проверкой финансовой отчетности...

Оконная створка захлопнулась. Я облегченно выпрямила затекшую спину. Все-таки провести полчаса в кустах в позе зародыша – это будет куда посерьезнее утренней йоги. В голове зашевелились интересные мысли. Они собрались заняться бумагами, а это отнюдь не пятиминутное мероприятие. Это долго и муторно, и отнимет уйму времени. А плющ на стене флигеля, хоть и сухой, но толстый и прочный... Я задрала голову, оценивающе разглядывая природную лестницу, столь услужливо предоставленную в мое распоряжение. Что это – роковая случайность или же промысел Божий? Вот подходящий и вполне удобный случай воочию увидеть этих загадочных стригоев! Я поплевала на ладони и уцепилась за спускающуюся до самой земли гибкую плеть. Эх, была не была!

Как известно, дорога в ад всегда вымощена воистину благими намерениями, а любопытство относится к категории самых отвратительных и сурово караемых грехов! Но подобные разумные доводы, увы, не слишком часто приходят в голову взбалмошным рыжеволосым девчонкам. И как это выяснилось в последствии, совершенно напрасно!

Глава 2

Андреа задумчиво стояла у окна, не замечая, что тонкая сигарилла в янтарном мундштуке давно уже прогорела до самого фильтра и осыпалась на мраморный подоконник горкой невесомого серого пепла. Вечерняя свежесть оведала одухотворенное девичье лицо, казавшееся выточенным из драгоценного алебастра. Прощальные лучи севшего за горизонт солнца еще подсвечивали лазурные воды Адриатики, расстилающейся за далекой линией последних домов элитного жилого квартала Санта-Кроце. Опасные полчаса, пришедшиеся на закат смертоносного светила, Андреа пережидала в подвале, в специальной темной комнате, оборудованной удобной мягкой софой, лениво прислушиваясь к организму, апатично замедлившему все свои естественные процессы. В отличие от низших обращенных, стригойка совершенно не нуждалась во сне и отдыхе, лишь дважды в день, при закате и рассвете, избегая появляться под палящими лучами нарождающегося или умирающего солнца. Предрассудки предрассудками, но именно в эти полчаса ультрафиолетовое излучение, болезненно обжигающее нежную кожу Андреа, становилось поистине нестерпимым. Даже самый жаркий полдень, испаряющий искристый туман с поверхности Большого канала, не вызывал подобного физического дискомфорта. От прямого попадания трансформирующихся солнечных лучей она, конечно, не умрет, но ожоги рискует получить весьма обширные. Зачем же подвергать себя лишней опасности без особого на то повода? А вот низшие обращенные – морои (поднятые из мертвых), те и вообще могли появляться на открытом воздухе лишь в ночное время, проводя целый день в летаргическом оцепенении.

Ночь мягко вступала в свои законные права, призывая совершить прогулку, но, околдованная неувядающей, вечной красотой вечерней Венеции, девушка продолжала неосмотрительно стоять у широко распахнутого окна, вызывая восторженные реплики со стороны многочисленных гуляк, праздно фланирующих вдоль набережной. Молодой черноглазый гондольер, вызывающе подпоясанный алым атласным кушаком, кокетливо подчеркивающим его тонкий стан, послал красавице воздушный поцелуй, лишь в ее честь нарушая вечернюю тишину божественными трелями безупречного бельканто. Андреа благосклонно кивнула в ответ. О да, как и влюбчивый юноша, она тоже мечтала о повторной встрече, но о встрече совсем иного свойства. Стригойка закрыла глаза, пытаясь избавиться от навязчивого видения тонкой голубой венки, призывно пульсирующей на смуглой шее бойкого певца. Ах, с каким удовольствием прижалась бы она сейчас губами к этой загорелой коже, несущей солоноватый привкус морской воды, и пила живую, восхитительно теплую кровь. Живая кровь! Не то что этот... этот суррогат! Андреа не смогла подобрать более точного слова для описания того напитка, которым ей приходилось довольствоваться долгие годы, лишь на краткие десять суток с головой окунаясь в пьянящий круговорот Великой охоты. Десять волшебных ночей, совпадающих с карнавалом в Венеции! Ведь именно тогда для стригоев наступало желанное время реализации лицензий, выданных тем ненавистным лицемером, которого благоверные католики называют земным святым – верховным понтификом Ватикана. Только на десять быстротечных дней второй половины февраля Венеция окутывалась обезличивающей защитой пестрых карнавальных костюмов. И тогда уже ни Бог, ни Дьявол не способен был различить, кто именно скрывается под широким плащом-табарро: человек или стригой, охотник или жертва. Десять ночей разнузданного кровопролития, десять ночей свободы от унижительного Соглашения... Но ничего, – вишневые губы Андреа приподнялись в издевательской усмешке, обнажая белоснежные клыки, – скоро все изменится! Рухнут жалкие правила, навязанные выжившими из ума «Совершенными», придет время молодых кланов и наступит совершенно другая эпоха – эра стригоев! А пока придется смирить гордость и гнев. Нужно расчетливо затаиться и терпеть, все туже и туже сжимая кольца тща-

тельно подготавливаемой мести на горле ослабевшего, ничего не подозревающего врага. И ждать, просто ждать!

Андреа неспешно пригубила надоевший напиток, маслянисто поблескивающий в бокале из драгоценного венецианского стекла. Недопитая капля, густая и тягучая, медленно скатилась по причудливо выгнутому краю сосуда, пятная длинные девичьи пальцы. Стригойка задержала глоток во рту, смакуя терпкую жидкость. Кровь – вот единственный изысканный нектар, достойный древних демонов мифической страны Ингиги, описанной в проклятом «Некрономиконе» безумного араба Абдула Аль-Хазреда, молоко ужасной богини Ламмашты – матери Тьмы. С чем можно сравнить вкус этого непревзойденного напитка, пьянящего сильнее знаменитого вина «Барбареско», одурманивающего приятнее любого наркотика, дарящего саму жизнь и непроходящую сияющую молодость. Андреа негромко застонала от восторга, смакуя вкус крови. Наслаждение, не сравнимое даже с объятиями самого искусного любовника и с жалобными, ласкающими слух воплями умирающего врага. Жизнь ради крови и кровь ради жизни.

Андреа разбиралась в группах крови столь же безупречно, как опытный дегустатор разбирается в сортах и возрасте хорошо выдержанного вина. По одной-единственной капле она могла безошибочно описать того, в чьих жилах ранее текла эта живительная жидкость. Могла рассказать о человеке все, начиная от года рождения и заканчивая его самыми потаенными, скрытыми пороками. Да и сами группы отличались друг от друга разительно, будто ягоды с виноградной лозы из различных виноградников. Кровь первой группы – самой старой на земле, принадлежавшей воинам и повелителям – чуть горьковатая, вязкая, как шоколад, сытная и питательная. Пища настоящих королей. Вторая группа, несущая терпкий привкус полевых трав и степных солончаков, беспокойная и непокорная – кровь охотников и кочевников. Третья – еще не перебродившая окончательно, слабая, словно яблочный сидр, суевливая, тонизирующая, насыщенная пузырьками воздуха, лопающимися на кончике языка – кровь торговцев, путешественников, пилигримов. И наконец самая юная и редкая – кровь четвертой группы. Именно ею обладал сам Спаситель – Иисус из Назарета, сын Божий. Легкая, как тончайшие вина Шампани, опьяняющая животворящим дуновением океанического бриза, напоенная светом звезд и мудростью космоса – основа души богов и пророков. Именно этот благородный напиток Андреа всегда вождела своим ненасытным естеством и неизменно предпочитала всем прочим. Именно носителей этой группы она, ведомая острым чутьем охотника, выслеживала в суматохе праздничного карнавала и увлекала за собой, чтобы насладиться в тишине и покое, посмаковать, выпить до последней капли...

Стригойка вздрогнула от предвкушения и попыталась обуздать разыгравшееся воображение, вызвавшее томительную судорогу внизу живота, наполнившее рот голодной слюной. Нет, ни один консервант, грубый суррогат, доставленный из донорского пункта, не может утолить извечной жажды стригоев и не способен заменить живую, горячую кровь. Эта кровь мертва! Андреа несколько мгновений брезгливо рассматривала недопитый бокал, а потом широко размахнулась и раздраженно выбросила его в окно, прямо в темную воду Большого канала. Проводила сосуд крепким словом и злобно расхохоталась в лицо ночной Венеции, переливающейся яркими, электрическими огнями.

Из всех многочисленных городов человеческого мира Андреа раз и навсегда остановила свой выбор только на одной Венеции – городе-сказке, городе-мечте, являющем удивительный симбиоз вековых традиций и вместе с тем всего остро модного, суперсовременного. Прекрасное видение, появляющееся на границе моря и неба, словно дивный корабль, пришедший из страны фей и остановившийся вдали от берега, как бы оберегая свое хрупкое очарование. Воздушный град, построенный на песчаных островах и укрепленный сва-

ями из лиственницы, ставшими в воде прочнее камня; город, невесомо парящий над волнами искусственной лагуны Адриатического моря. Венеция, неповторимая в любое время года: в тумане осени, когда она романтична и таинственна, и при ярком летнем солнце, когда цветные витражи ее дворцов кажутся украшением в зеркальной оправе канала. Пестрые стены зданий, проступающие сквозь мелкую сетку зимних дождей, словно иссеченная трещинами гравюра старого мастера эпохи Возрождения. Просторная площадь Сан-Марко, каждую весну уходящая под воду в период обязательных сезонных наводнений, а в иные дни – густо заполненная тучами голубей, ставших ее неотъемлемым гомонящим атрибутом. Роскошный Дворец Дожей, поражающий воображение парадными залами и знаменитой капеллой, расточительно обставленный и украшенный полотнами Тинторетто, Веронезе, Тьеполо. Баснословные богатства, которые Андреа с радостью прибрала бы к своим рукам. Ненавистные церкви Санта Мария дей Мираколи и Санта Мария дела Салюте, настолько намоленные истово верующими католиками, что даже дующий с их стороны ветер обжигает сильнее песчаной африканской бури. А громадные мосты Риальто и Скарли, окруженные соблазнительными магазинчиками антиквариата... О-о-о, Венеция воистину являлась самым прекрасным городом, по праву носящим свои романтические прозвища – Безмятежнейшая и Королева каналов. А разве королеве стригоев не пристало жить в городе королев? Две повелительницы, достигшие полнейшего взаимопонимания и заключившие незыблемый, почти мистический союз. Венеция, и рядом с ней сама Андреа – высокая, стройная, белокожая и синеокая, словно дух природного божества, сошедший с пейзажа Каналетто. Хрупкая красота в сочетании с мощью, величавостью и мудростью, достойной истинных владык мира. Город, где живут воспоминания о прошлом, и вечно молодая стригойка, сама ставшая квинтэссенцией самых страшных легенд и преданий, созданных Францией, Италией и Румынией. Слишком многое их объединяло – Венецию и Андреа, и потому, куда бы она ни поехала, девушка очень скоро начинала скучать по этому величественному городу и по богатому палаццо ла Витиччи, принадлежащему ее семье. И возвращалась, постоянно возвращалась обратно – в Венецию...

Убаюкивающий плеск волн Большого канала всегда действовал на Андреа умиротворяюще. Вот и сейчас она властно смирила легкую дрожь тонких запястий, отягощенных золотыми фамильными браслетами, подошла к музыкальному центру и включила диск с «Временами года» гениального Антонио Вивальди. Музыка мгновенно наполнила просторную комнату, окутывая ее невесомой аурой таинственности. И тогда Андреа неожиданно для самой себя вдохновенно сорвалась с места, словно золотистый кленовый листок, подхваченный порывом ветра, и закружилась в такт тоненьким напевам скрипок и флейт. Ее мозг внезапно пронзила мысль о диком сплетении извечно противоборствующих элементов – ангельской музыки и танцующей под нее демонической плясуньи. Совершенное зло ничуть не уступает по притягательности совершенному добру. Черные локоны девушки развевались, синие очи зажглись кровавыми отсветами. Платье из серебристого шелка стремительно взвихрилось вокруг стройных ног, а музыка все плыла и плыла, унося вдаль...

– Браво, моя прекрасная госпожа! – восхищенный мужской голос безупречно вплеся в нежную мелодию. – Браво, синьорина дель-Васто!

Андреа радостно вскрикнула и остановилась.

– Рауль! – она постаралась вложить в это короткое имя все богатые колоратурные возможности своих голосовых связей, придавая пяти простым буквам очарование магического любовного приворота.

И призыв подействовал. Мужчина, носящий столь изысканное и благозвучное имя, послушно затворил дубовые дверные створки и шагнул в комнату. Плотно раздувая ноздри безупречно очерченного носа, Андреа дель-Васто неотрывно следила за высокой

фигурой, медленно идущей по светлому паркету. Рауль оказался строен и широкоплеч, ухоженные темные усики капризно изгибались над аристократично изогнутой верхней губой. Глаза – немного сонные и припухшие, необычного темно-желтого цвета, вызывали ассоциацию со зрачками сытого тигра, лениво притаившегося в тростнике. От мужчины так и веяло затаенной опасностью и неприкрытым высокомерием. Отлично пошитый костюм от «Гуччи» ладно сидел на его атлетической фигуре, подчеркивая игру тугих мускулов. Заметив обращенный к нему женский взгляд, заинтересованный и откровенно возбужденный, Рауль усмехнулся – торжествуя, но почтительно. Это была его женщина, его королева!

Взгляды любовников скрестились. Противостояние длилось несколько кратких секунд, а потом мужчина уступил, как это случалось каждый раз, уважительно отводя взор в сторону.

– Мой! – страстно шепнула стригойка, подходя к Раулю и покровительственно лаская его мужественное лицо своими хищными белоснежными пальцами. – Мой красавец-граф Рауль Деверо!

Мужчина замер, трепетно смежив веки и отдаваясь в плен этих властных, собственных прикосновений. Из-под прикрытия длинных пушистых ресниц он внимательно наблюдал за своей обожаемой повелительницей. Рауль прожил не одну сотню лет и имел возможность достаточно хорошо изучить женщин – как дворянок, так и простолюдинок. Когда-то ему довелось лично познакомиться и с капризной Франсуазой де Монтеспан, избалованной фавориткой французского короля Людовика XIV, и с блистательной Марией-Антуанеттой, чья недолгая жизнь оборвалась столь трагично, и с великолепной Гретой Гарбо. Он познал многих женщин, но никогда не встречал никого прекраснее Андреа дель-Васто, маркизы де Салуццо. Она поражала непредсказуемыми контрастами, очаровывала мнимой беззащитностью невинной девицы и одновременно пугала угрожающей грацией гибкого хищника, еще только вступающего в лучшую пору зрелого расцвета. Она оказалась истиной дочерью своего великого родителя, Темного покровителя всех стригоев – Того, кого вампиры знали как Отца, а церковники без излишних церемоний называли Дьяволом. В глубине ее синих глаз Рауль увидел что-то манящее, властно напомнившее ему сладкий вкус крови из Атонора – чаши Тьмы, испиваемой единожды в каждые десять лет, в момент повторения ритуала Бессмертия, и это что-то – навсегда сделало его послушным слугой королевы стригоев.

– Мой, ты мой! – как приговор, нараспев произнесла Андреа, скрепляя слова страстным поцелуем. Клыки девушки оцарапали губы мужчины, а зубы Рауля слегка прикусили розовый язык Андреа. Прикосновение, сопровождающееся взаимным обменом каплями крови, дарящее блаженство намного более яркое, чем то, которое дает обычный акт плотской любви. Поцелуй стригоев.

– Принес? – взволнованно спросила стригойка, нехотя отрываясь от мужских губ, пахнущих выдержанным коньяком и дорогими кубинскими сигарами.

Граф Деверо коротко кивнул. Он приподнял правую руку, железная цепочка браслета, соединявшего его запястье с черным атташе-кейсом, мелодично звякнула. Андреа судорожно стиснула кулаки, борясь с нечеловеческим нетерпением, охватившим ее страстную душу.

– Показывай! – коротко приказала она.

Рауль усмехнулся, восхищенный ее самообладанием. Он достал из кармана маленький ключик, открыл и снял наручники, набрал несколько цифр на кодовом замке кейса и откинул стальную крышку чемоданчика, обтянутую шагреновой кожей. На бархатной подкладке лежал одинокий, свернутый в трубку пергамент. Андреа протянула тонкие пальчики и бережно развернула старинную рукопись. Быстро пробежалась взглядом по тексту документа и не удержалась от удовлетворенного вздоха.

– Эту печать невозможно подделать! Я ощущаю исходящую от нее энергетику!

Граф Деверо тоже глянул на документ и кисло скривился:

– Старофранцузский, да еще этот ужасный лангедокский диалект. Угловатый почерк церковника, причем писавший был уже в летах, страдал прогрессирующей близорукостью и закоренелым фанатизмом.

Андреа одобрительно улыбнулась уголками яркого рта:

– Дорогой, из тебя мог бы получиться неплохой графолог!

Мужчина польщено поклонился.

Стригойка снова развернула манускрипт и принялась читать вслух, легко продираясь сквозь дебри давно забытого языка:

«Ваше Святейшество! Как и было приказано, я лично учинил допрос коменданту павшей крепости Монсежур – еретику по имени Арно-Роже де Мирпуи. Под пытками отступник показал, что на заре в последний день штурма четверо людей тайно покинули цитадель, унося с собой сверток, в котором оказались спрятаны величайшие святыни нечестивых катаров. Преступников звали Гюго, Эмвель, Экар и Кламен. Несмотря на спешно отряженную погоню, поймать беглецов так и не удалось. А наставник катаров, епископ Бертран д'Ан Марти, уже будучи сжигаем на костре, проклял нас, истинных слуг церкви, безумно выкрикнув: «Да падет на ваши головы гнев Святой Чаши!» Поэтому я прихожу к однозначному выводу, что среди похищенных реликвий находилась и чаша Господа нашего Иисуса Христа, в которую благочестивый Иосиф Аримафейский собрал святую кровь, вытекавшую из ран мученика. Под чем подписываюсь – раб Божий легат Арнольд де Сато в день 18 марта 1244 г. от Р.Х.»

Рауль хохотнул:

– Так, значит, зря мы не поверили «Совершенным»! У старика де Пюи не достало бы духу и прозорливости чтобы обмануть тебя, любимая!

Андреа ответила высокомерным взглядом:

– Члены Совета давно выжили из ума. Но ничего, скоро их власти придет конец! Для того чтобы разорвать позорящее нас Соглашение с Церковью, мне осталось совершить всего две вещи – разбудить Сына Тьмы и открыть врата Ада!

Граф похвально кивнул, всецело соглашаясь со словами обожаемой повелительницы.

Стригойка взволнованно прошла по комнате, не выпуская из рук драгоценного документа.

– Кардинал ди Баллестро все так же уверен в том, что один из ключей от Ада – это и есть священный Грааль, и он хранится в аббатстве ди Стаффарда?

– Да! – Рауль иронично приподнял бровь. – Можно сказать, прямо в твоей родовой вотчине. Это ли не насмешка судьбы?

Андреа хрустнула пальцами:

– Ты недогадлив, мой дорогой граф. Я мало верю в насмешки судьбы, зато имею все основания подозревать нынешнего понтифика – папу Бонифация в поистине змеиной хитрости. Кардиналу Анастасио удалось попасть в подземное хранилище под собором Святого Петра?

– Да! – четко отрапортовал граф. – Отец нам помог. Ди Баллестро проник в главный ватиканский тайник, откуда и выкрал нужный твоей милости документ. Кроме того, он удостоверялся, что, согласно записям в каталоге перемещений, Грааль уже более двухсот лет находится в Салуццо...

– Но почему? – перебила Андреа. – И зачем? Наше Соглашение с Церковью насчитывает этот же срок... – она нахмурилась, анализируя, сопоставляя и размышляя.

Рауль недоуменно развел руками:

– Церковники глупы. Их поступки не поддаются логическому объяснению!

Стригойка недовольно потерла лоб, раздосадованная нелепой фразой любовника.

– Это ты сегодня изрекаешь глупость за глупостью, – сказала она. – Повторяю: Бонифаций хитер, как старый лис. Что еще кардинал Туринский видел в хранилище?

– О! – глаза мужчины заблестали от жадности. – По его словам – много удивительного. Например, копьё Лонгина, щепки от креста, стоявшего на Голгофе, погребальные одеяния Лазаря и прочие удивительные вещи. А сильнее всего меня удивило выражение лица кардинала при нашей последней встрече. После долгих расспросов он мельком обмолвился, что сумел прочесть одну древнюю книгу, длительное время считавшуюся утерянной, но, как обнаружилось, тоже спрятанную в ватиканском тайнике. Но он наотрез отказался рассказать, что именно ему удалось узнать со страниц этого раритета.

Андреа злобно хмыкнула:

– Ну хорошо, я сама разберусь с секретами Его Высокопреосвященства! Никуда он от нас не денется. Католическая церковь не очень-то жалуется подобным ему отступникам и ренегатам. А пройдоха Анастасио больше всего на свете жаждет стать новообращенным, хоть и называет нас «живыми трупами»... – тут Андреа не сдержалась и сардонически расхохоталась во весь голос.

Рауль равнодушно пожал плечами:

– Тебе виднее. Хотя лично я не нахожу никакого здравого смысла в этой старой истории с Граалем и связанным с ним проклятием, да и в оксюморонах не силен.

Но Андреа не слушала любовника, продолжая негромко разговаривать сама с собой.

– Нет, смысл обязательно должен быть. Хотя, конечно, под здравым смыслом каждый человек подразумевает только свой собственный. Но я во что бы то ни стало докопаюсь до скрытой здесь истины. Рауль! – она требовательно возвысила голос. – Поезжай в аббатство. И прихвати с собой нашего пронырливого союзника. Только смотри, никто не должен раньше времени догадаться о том, что вы действуете заодно! Пусть кардинал, как и ранее, представляет Ватикан, вроде бы он пока не допускал явных ошибок и еще не лишился доверия Бонифация.

– Но под каким благовидным предлогом мы заявимся в Салуццо? – недоуменно спросил Деверо. – Не поклоняться же святым местам?

Андреа одним отрывистым взмахом ладони отмела это неудачное подобие шутки.

– Мы давно знаем, что в аббатстве ди Стаффарда основан колледж, в котором обучаются ангелы. Там периодически появляются все высшие чины небесной иерархии. Добейся встречи с ними и поставь вопрос о пересмотре условий Соглашения, причем в жесткой ультимативной форме. Сам же между делом разузнай, почему Грааль хранится именно в Салуццо!

– Разузнать и забрать? – хищно улыбнулся граф, обнажая клыки.

Повелительница благосклонно потрепала его по щеке.

– Если потребуется, разбери аббатство по кирпичам и перебей всех крылатых вырожденков. Возьми с собой побольше наших лучших бойцов. А пока, – стригойка прищурилась, – я попробую кое-что разузнать о тайнах нашего хитрого друга Анастасио ди Баллестро, выведенных из какой-то там книги у нас за спиной...

– Но как? – еще сильнее удивился граф.

Андреа протянула руку и взяла с кресла изящный кожаный плащ.

– Газеты так и пестрят рекламой об удивительных способностях этой новоявленной ясновидящей, Маго Руфолли. Вроде бы, она принимает в офисе на улице Мурано, дом 13-б. Не совершить ли нам с тобой прогулку в мир человеческой мистики? – она насмешливо подмигнула Раулю.

Граф брезгливо сморщился:

– Фу-у-у, ты – и у какой-то шарлатанки ясновидящей? Даже не смешно!

– Ну, чем не приключение? – Андреа требовательно потянула графа за рукав пиджака. – Я умираю от скуки. Идем же!

Плющ оказался прочным. Я легко вскарабкалась до уровня третьего этажа, переступая из одной аккуратной петли, образованной переплетением сухих стеблей, в другую, не менее удобную. Правда, пару раз импровизированная веревка угрожающе затрещала, вынуждая меня испуганно прижиматься к холодной каменной стене, но все-таки не порвалась. В результате таких несложных манипуляций, я вскоре достигла нужного окна и уткнулась носом в плотно закрытые рамы. Да и само стекло оказалось столь надежно зашторено знаменитыми бордовыми гардинами, давшими название комнате, что внутрь не проникал не только мой заинтригованный взгляд, но даже мельчайший лучик дневного света. Я задумчиво почесала переносицу. Что за черт? Неужели легендарные стригои и в самом деле боятся солнца? В окне первого этажа, там, где проходило случайно подслушанное мною совещание, тускло светился монитор компьютера, и двигались неясные тени. «Вот здорово! – мысленно порадовалась я. – Значит, уважаемые прелаты всерьез увлеклись финансовой ревизией и вряд ли станут отвлекаться на что-то другое. Или других». Хотя к числу «уважаемых» персон мне почему-то очень не хотелось причислить велеречивого кардинала ди Баллестро. Ну не нравился он мне, и все тут!

Впрочем, подобные абстрактные размышления, конечно же, сами по себе весьма полезны – тренируют умственные способности, но к запертому окну они не имеют ни малейшего отношения. А вот процесс отпирания чего-то закрытого уже требует малой толики практических навыков.

– Я вам не какая-нибудь дура, у которой руки не из того места растут! – сварливым шепотом заявила я, борясь со смутным подозрением, что, как правило, наибольшие глупости в жизни совершаются именно с этими словами.

Уповая на хваленую звукоизоляцию пластиковых стеклопакетов и проверенных столетиями толстых монастырских стен, я плавно протянула руку и старым воровским приемом вырезала круг на стекле с помощью крупного алмаза, красовавшегося в оправе массивного фамильного перстня, который всегда носила на пальце. Вот и пригодилась старинная игрушка на что-то более полезное, чем цепляние за колготки. Теперь я точно не сомневалась в том, что лучшие друзья девушки – это бриллианты! И нечего на себя напраслину возводить – умение проникать в запертые помещения является не только прерогативой различных криминальных элементов, но и неотъемлемой частью великого искусства ниндзюцу. Но в самой глубине души я все же ощутила мимолетный укол совести. Одуреть можно, фамильный символ благородного рода, украшенный вырезанным на латыни девизом «Ad honores» («Ради чести»), я использую для взлома жилища своего духовного пастыря. Хороша будущая экзорцистка, нечего сказать! И я тут же попыталась найти удобное оправдание, утешая себя мыслью, что совершаю богоугодное дело, пускай даже действуя далеко не самым благочестивым образом.

Первый стеклянный круг с легким звоном упал внутрь рамы, а второй – на складки толстой портьерной ткани, заботливо уложенной на подоконник. Я просунула руку в образовавшееся отверстие, повернула ручку, открыла окно, отвела в сторону гардину и бесшумно залезла в комнату.

В первое мгновение меня ослепил переход от яркого дневного света к альковному полумраку тщательно затемненной комнаты. Я растерянно заморгала и стала протирать глаза, лишь еще сильнее заслезившиеся от этого бесполезного процесса. А затем зрачки мои привыкли к темноте, и я увидела...

Как известно, самый лучший способ избавиться от навязчивого искушения – это поддаться ему. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы самостоятельно додуматься до столь

очевидного решения. Думаете, святая католическая церковь держится на праведниках? Могу вас заверить – ничего подобного! Могущество любой религии зиждется на сотнях и тысячах раскаивающихся грешников, не сумевших устоять перед искушением. Вот тут-то перед монахами, священниками, причетниками, канониками, епископами и прочими исполнителями воли Божьей и открывается огромный простор для бурной деятельности. Проповеди, исповеди и епитимьи, призванные освободить людей от скверны греха, так и льются, будто из рога изобилия. А народ, едва очистившись от предыдущего искушения, тут же спешит ввергнуться в новый, еще более тяжкий соблазн. И снова кается, обливая слезами подножие святого престола. Религиозный экстаз набирает обороты. А с небес на все это благосклонно взирает сам Спаситель, весьма довольный обильной жатвой искренних криков: «Верую, Господи! Прости, Иисусе!» – собираемой с душ и сердец паствы. Ибо так сладко поддаваться соблазну, зная, что рядом всегда есть кто-то всемогущий – кто поймет, поможет и простит. Да и сама я в настоящий момент отнюдь не являлась исключением из этого укоренившегося правила, ведь мое искушение немедленно предстало передо мной во всей своей воистину устрашающей красоте.

Он был темнокудр и необычайно белокож. Блестящие локоны вьющихся волос рассыпались по красной бархатной подушке, и этот ослепительный контраст цвета и фактуры завораживал. Тонкая полоска усиков над горделиво изогнутыми губами. Небольшие для столь крупного мужчины ладони смиренно сложены на груди поверх обшитой рюшами рубашки. Ни дать, ни взять – сама скромность и миролюбие. Длинные, аристократически точеные пальцы переплетены и защищают массивный золотой кулон. Я склонилась над спящим, наслаждаясь видом этой холодной, мрачной красоты. Больше всего он походил на какого-нибудь древнегреческого бога, настолько безупречными казались его лицо и фигура. И я почти уверовала в свое романтическое предположение, если бы вдруг не заметила пары белоснежных клыков, слегка приподнимающих верхнюю губу зловещего красавца. Итак, старинные легенды обрели беспощадные очертания суровой реальности. Стригои существуют на самом деле! Я вздрогнула и поспешила отвести взгляд.

Поблизости от черноволосого божества так же недвижимо покоились еще двое мужчин, чья грубая, абсолютно лишенная налета мистицизма внешность наводила на здравую мысль, что им отводится всего лишь скромная роль слуг или телохранителей. Причем, второе казалось более вероятным, если учесть их одежду из кожи и наличие кобуры с пистолетами на поясе. Рядом же с облаченным в кружева красавцем я, к своему огромному удивлению, обнаружила роскошную рапиру, которую мой опытный в подобных вопросах глаз даже на вскидку сразу же отнес к работе знаменитых толедских мастеров 17 века. Клинок выглядел истинным произведением искусства и, безусловно, стоил баснословно дорого. Я недоуменно поскребла в затылке. Незнакомец имел внешность принца, носил наряд принца и в довершении ко всему – владел оружием и украшением, достойными настоящего принца. Клянусь ключами святого Петра – я набрела на самую величайшую загадку, которую только можно себе представить, и заберите меня все демоны преисподней, если я не собиралась ее разрешить. Но в следующий момент случилось непредвиденное...

Гонтор де Пюи проснулся сразу после захода солнца. Несколько минут он просто лежал, расслабленно прикрыв глаза и прислушиваясь к редким, медленным ударам своего изношенного сердца. Он испытывал одурманивающую слабость и многовековую усталость, которая постепенно разжижала его проклятую кровь, делая ее похожей на воду, и словно песок скрипела в распухших от подагры суставах. То был песок Монсегюра, ставший прахом времени. Де Пюи покаянно вздохнул. «Во что же превратился ты, благородный рыцарь воинства Христова, принесший обет бедности и смирения на ступенях главного собора Тулузы? В тот далекий и безвозвратно прекрасный 1231 год в твоей душе еще жили вера и надежда.

А ныне там клубится страшная Тьма...» Сухие пальцы старого рыцаря нащупали край гроба и ухватились на него, как за спасительную пристань, помогая поднять немощное тело из земли Монсегюра, до краев наполнявшей резной дубовый ящик. Мертвенные губы Гонтора изогнулись в презрительной усмешке. Ведь он уже многие столетия спал в нежных объятиях родной земли, помогавшей ему сохранить воспоминания молодости и ту последнюю каплю привязанности к чему-то живому, которая в какой-то мере до сих пор делала его человеком. Или – всего лишь его бледным подобием. Но именно это эфемерное отличие и проложило ту огромную пропасть, что отделяла «Совершенных» от молодых представителей новых кланов. Гонтор хмуро улыбнулся, поймав себя на мысли, что совсем по-стариковски готов назидательно сетовать – ох, уж эта нынешняя молодежь! А ведь точно так же перешептывались и у него за спиной в ту благословенную пору, когда ему минуло всего то двадцать пять лет, и он со всем пылом юности уверовал в проникновенные проповеди епископа Бертрана д'Ан Марти, приведшие его под стены Монсегюра. Но современная молодежь в наставлениях не нуждается. Ей нужна лишь кровь – горячая и сладкая, еще за миг до этого бурлившая в человеческих венах. Молодых стригоев уже не устраивает концентрированная плазма, согласно договоренности ежедневно доставляемая из церковных медицинских центров. Они брезгливо называют ее мертвой и, видит Отец, вполне созрели для того, чтобы нарушить Соглашение. Человеческая жизнь для них ничто, а сами люди рассматриваются как бурдюки, несущие несколько литров желанного напитка. Менталитет зверей – жестоких и голодных. Может быть, поэтому церковники и именуют стригоев – Проклятыми? Хотя как еще можно назвать существо – не имеющее ни совести, ни чести, ни родины?

Пальцы Гонтора привычно зашарили по груди, но растерянно замерли, так и не найдя искомого. Рыцарь вспомнил: святыню забрала она – девушка с черными волосами и огнем преисподней во взгляде. Новое дитя, зачатое от семени Отца и по воле его. Гибкая как змея, обманчивая словно морок и вкрадчивая будто яд, текущий в жилах всех стригоев. Она – Андреа, предсказанная повелительница, несущая в себе наследие Влада и разительно напоминающая первородного сына Тьмы – Себастиана. И де Пюи не смог отказать этой девушке. Сам не понимая, что делает, он снял с шеи медальон с драконом и древним девизом ордена «Justus et Pius» («Справедливый и благочестивый») и добровольно вложил его в ее преступные руки. Отрекся от власти, передав так долго несомые им полномочия вместе с титулом гроссмейстера катаров, верховного магистра ордена «draco». Глупец, жалкий глупец!

А какие блистательные надежды подавал поначалу сам Влад, последнее дитя, народившееся естественно, а не путем обращения. Долгожданный сын от белокурой Клариссы, также, как и сам Гонтор, вкусившей напиток вечной жизни из священного Атонора – чаши стригоев, дарованной Темным Отцом. Жаль, что подруга ушла столь рано. Там, в подвалах Монсегюра, их было тринадцать. Скучная горстка последних несгибаемых храбрецов, желавших одного – выжить любой ценой. Увы, цена оказалась слишком велика! Цена – от которой сейчас оставалась только усталость...

Гонтор де Пюи давно осознал, что возможность как следует отдохнуть появляется лишь тогда, когда уже полностью отсутствуют даже малейшие причины для усталости. Его постигла не столько слабость плоти, сколько полнейшая немощь духа, начисто отбивавшая желание двигаться, дышать, пить кровь и просто жить. И он посвящал свой многочасовой отдых тому, что пока имело над ним какую-то силу – воспоминаниям. Несмотря на возраст, память еще никогда не подводила престарелого рыцаря, каждый раз досконально рисуя красочную и страшную картину пережитых событий, произошедших почти восемьсот лет назад...

Зима на стыке 1243 и 1244 годов выдалась голодной и кровопролитной. Прекрасный Лангедок, совершенно утративший свое прежнее поэтическое очарование, изнемогал

под тяжестью междоусобной войны. Победоносные войска Симона де Монфора подобно острому серпу прошли по незасеянным полям, снимая обильный урожай отнюдь не зерна, а скоротечных человеческих жизней. Не щадили никого – ни женщин, ни детей, ни немощных стариков. «Бейте их всех, Господь своих узнает!» – беспощадным кличем разносилось над загубленными землями Южной Франции вместе с пеплом и гарью многочисленных пожарищ, призванных очистить души мятежных катаров. Лежала в руинах красавица Тулуза, полыхали костры в Альби, сытое воронье кружилось над развалинами Фуа, полностью исчез знаменитый Каркассон – а упрямые катары все так и не соглашались сдаться и отречься от своей богопротивной ереси. Но преданный сын Церкви, свежеиспеченный рыцарь де Монфор тоже не собирался отступать столь бесславно, возможно, излишне рьяно провозглашая догмы официальной Церкви и навязывая Слово Божье несговорчивым альбигойцам. И тогда около тысячи уцелевших в боях людей отошли в пятиугольное святилище Монсегюр и заперлись в его неприступных стенах. Осада длилась год. Две сотни «Совершенных» – рыцарей-еретиков против десяти тысячного войска святой католической церкви. Исход противостояния оказался предрешен заранее. Его Святейшество папа желал любой ценой заполучить великие святыни, по так и не проверенным, туманным сведениям попавшие в руки катаров. Но Церковь просчиталась... Катары действительно сумели сохранить священную Чашу, позднее названую Граалем – грубоватый и примитивный сосуд, вырезанный из куска кипариса не слишком-то поднаторевшими в такой работе руками Иисуса, сына плотника из Назарета. Сына Божьего... На утренней заре 15 марта 1244 года, в день штурма, четыре смельчака, напутствуемые епископом д'Ан Марти, тайно покинули крепость Монсегюр незаметно выбравшись, через подземный ход за ее пределы и унося с собой холщовый сверток, содержащий реликвии. По слухам, они отправились в Неаполь, надеясь испросить помощи и приюта у ордена тамплиеров. Вечером этого же дня последняя катарская твердыня пала. Епископ Бертран отправился на очищающий костер, так и не раскаявшись в своих греховных заблуждениях. Его сопровождали еще двести пятьдесят семь человек, уцелевших при штурме. Но кое-кому все-таки удалось выжить...

Крепость Монсегюр совсем не напрасно имела репутацию странного и загадочного места, полностью соответствуя ходящим о ней слухам и домыслам. Многие из ее строителей, особенно каменщики и землекопы, оборудовавшие подвалы и хранилища, умирали скоропостижной и страшной смертью, мучаясь горловыми кровотечениями и ужасающими язвами по всему телу. Возникновение первых ритуальных камней, возведенных на месте будущей крепости, связывали с таинственными друидами, жрецами так и не прижившегося в этих краях культа бога Митры. Долгие годы затянувшейся войны за веру, а также безразличие Господа, так и не откликнувшегося на многочисленные призывы катаров, в итоге внесли раскол в казалось бы столь сплоченные ряды упрямых еретиков. Вольнодумцев было тринадцать, если, конечно, определение «вольнодумец» можно приметить к людям, добровольно отрекшимся уже и от неофициальных церковных догматов альбигойцев. Они принадлежали к самым известным дворянским родам Лангедока, отличались молодостью и красотой и не намеревались умирать во славу Господа Бога, отринувшего их от своего райского престола. Действуя в строжайшей тайне, основав свой маленький орден «draco», символом которого стал бессмертный дракон, замкнувший в кольцо само понятие вечности, они рыли второй подкоп, также ведущий за стены Монсегюра. Пребывая на грани отчаяния и страшась приближающейся смерти от рук воинства Симона де Монфора, они отвергли Бога – воззвал к Темному Отцу. И повелитель Тьмы услышал.

Хозяин Ада благосклонно снизошел к мольбам своих адептов, даровав им Атонор – сосудобразный слиток в форме чаши из неземного серебристого металла, изливающий холодное свечение и оставляющий незаживающие ожоги на коже. Отступники выкопали его из земли Монсегюра, О, это воистину оказалась чаша самого Дьявола. По указанию Отца,

тринадцать адептов (число которых и породило известную фразу «чертова дюжина»), принесли черную жертву, впервые вкусив человеческой крови, налитой в Атоно́р и тем самым приобретя неуязвимость и способность жить вечно. В обмен на бессмертие и невероятные свойства тела, Темный Отец попросил душу и плоть прекрасной девственницы Изабо д'Ан Марти – дочери епископа Бертрана, также отвергшей веру катаров. Он избрал ее своей невестой. Испившие жертвенной крови «Совершенные» уснули долгим сном и проснулись уже совсем другими людьми. А точнее, совсем не людьми. Отступники стали стригоями. Они прожили многовековую жизнь, драматично теряя одного за другим товарищей и супругов, отчаявшись иметь новый дом и новое потомство. Последним из рожденных от катаров стал Влад – сын верховного рыцаря-магистра ордена Дракона, великий воевода и господарь Валашский. Именно в нем дар Темного Отца развился в том страшном направлении, что давало ему возможность создавать новых детей темной крови (мороев – поднятых из гроба мертвецов) путем Обращения: укуса и дальнейшего испития напитка вечной жизни из ритуального Атоно́ра.

Ряды стригоев множились. Новые кланы становились сильны и многочисленны настолько, что самый старинный враг – святая католическая церковь уже была вынуждена считаться с потребностями Детей Тьмы. Так было заключено Соглашение, дающее Детям Тьмы право на лицензии и Великую охоту раз в году – в период февральских карнавалов. А настоящих, изначальных «Совершенных» оставалось всего четверо. Сам первый гроссмейстер ордена Дракона – Гонтор де Пюи и его три верных друга – Пейре де Риталь, Раймунд де Вантор и Жерар ле Руак – знаменитый лангедокский менестрель. Четыре бессильных старика, хранивших тайну Монсегюра и красавицы Изабо д'Ан Марти. Они давно уже раскаялись в совершенном грехе и с огромным недовольством смотрели на кровавые притязания своих зловещих отпрысков – стригоев. А кроме того, они с трепетом ожидали свершения последнего пророчества Изабо – появления наследницы рода Влада Дракулы, великой королевы стригоев.

Гонтор де Пюи печально вздохнул, вновь отдаваясь во власть воспоминаний. Предначертанное свершилось. Его дальний отпрыск, его внучка Андреа пришла и лестью, смешанной с угрозами, вытянула из ослабевших рук старого рыцаря две бесценные реликвии – чашу и медальон. Да к тому же гроссмейстер понимал – стригойка что-то знает о Граале и Сыне Тьмы. Но лишь в полной мере овладев этими заветными тайнами, она сможет раскрыть Врата Ада и навечно установить на земле власть стригоев. Неся в себе последнюю искру катарской ереси, она намеревается жестоко поквитаться с чуждой ей католической церковью и отплатить за кровь погибших защитников Монсегюра, передавших ей свои полубезумные идеи. Время отнюдь не лечит нанесенные раны и обиды, оно делает их еще глубже и болезненнее. Время стократно обостряет жажду мести. Время затаивается, притворяется безобидным и терпеливо ждет назначенного часа. И теперь час расплаты пробил.

Глава 3

Я внезапно различила легкий скрежет ключа, поворачиваемого в дверном замке, и одновременно с этим, будто тоже расслышав этот неприятный звук, нарушивший его сон, прекрасный стригой неожиданно широко распахнул глаза, имевшие удивительный желто-топазовый цвет. На краткое мгновение наши взгляды встретились. Незнакомец угрожающе оскалился, во всей красе являя огромные белоснежные клыки. Его зрачки, вертикально-вытянутые, как у кошки, рефлекторно сузились – похоже, он испугался скудного дневного света, поступавшего в комнату из-за неосмотрительно приоткрытых мною гардин. Взор стригоя, почти осязаемый физически, жадно скользнул по моему лицу и горлу, вызывая неприятные склизкие ощущения. Тонкая морщинка прорезала высокое чело. «Я тебя запомнил и уже не забуду!» – пообещала мне его выразительная мимика. Я брезгливо отодвинулась, неосознанно вытирая губы краем футболки так, словно вкусила чего-то запретного и неопишимо омерзительного. Было в его завораживающем взгляде какое-то древнее колдовство, притягательное и запретное, сладострастное и одновременно отталкивающее куда больше, чем все романы спятившего извращенца маркиза де Сада. А затем веки стригоя вновь плотно сомкнулись, черты разгладились, принимая прежний невинно-благообразный вид. Дверь начала медленно отворяться...

Понимая, что сейчас меня застукают прямо на месте преступления, я одним отчаянным рывком перемахнула через спинку дивана, на котором лежал стригой, и рухнула в узкий промежуток между бархатными валиками и обитой шелком стеной. Со всего маху треснула лбом об угол электрообогревателя и сдавленно зашипела сквозь зубы, проклиная и прекрасного вампира, и свое злополучное любопытство. Неспешные шаги мягко прошелестели по ворсу ковра. Я вжалась в пол, стараясь слиться с паркетом и стать совсем маленькой и незаметной. Положив голову на бок, одним глазом осторожно посмотрела в щель между полом и днищем дивана. «Ага, – я иронично хмыкнула, – это явно не отец-настоятель. Тот, по причине излишнего веса и пингвиньего плоскостопия, предпочитает бесформенные войлочные туфли на упругой каучуковой подошве. И уж точно не брат Бернард, у которого не ноги, а лапы размера этак шестидесятого. Тем более, как проказливо перешептывались аббатские студииозы, главное оружие нашего великого экзорциста – это отнюдь не крест и молитвы, а его носки, от убойного запаха которых пачками мрут не только любые порождения ада, но и правоверные католики. Однажды экзамен по боевым псалмам оказался безнадежно завален всей нашей группой только потому, что разомлевший от летней жары Бернард, гордо восседающий за кафедрой, расслабился и... снял ботинки. Медики в лазарете долго ломали головы над причиной безудержной рвоты, прорезавшейся у двадцати молодых, физически крепких старшекурсников. Однако представшие моим глазам элегантные туфли из дорогой шагреновой кожи вовсе не походили на разношенные башмаки пожилого брата-экзорциста. Да и двигался обладатель модной обуви слишком легко и непринужденно. Ба, не иначе как сам кардинал Туринский поднялся в бордовую комнату, едва не доведя меня до инфаркта своим неожиданным появлением. Но что могло понадобиться щеголеватому прелату в покоях стригойского посланца? И тут мое любопытство возросло многократно, вызывая отчаянный зуд между лопатками и неконтролируемый приступ острой щекотки в носу. Боясь чихнуть и тем самым выдать свое присутствие в затемненной комнате я что было сил уткнулась лицом в обшивку дивана, вдыхая исходящие от нее запахи дезинфекции и нафталина. Но это не принесло ни малейшего облегчения.

Анастасио ди Баллестро быстро обшарил выдвижные ящики стола и, недобрым словом помянув крылья архангела Гавриила, приблизился к моему импровизированному укрытию.

– Неужели потерял? – голос прелата наглядно выдавал овладевшее им недовольство. – Где же эта чертова записная книжка? А во всем виновата моя аристократическая рассеянность!

«Ну, это ты себе польстил! – злорадно подумала я. – Всем давно известно, что забывчивость – признак отнюдь не дворянского происхождения, а банального старческого склероза», – но в этот миг в носу у меня засвербело еще пуще, и я торопливо зажала ноздри пальцами.

Раздался приятный шорох, какой возможен только от плотного соприкосновения шелковой сутаны с бархатом дивана. Очевидно, кардинал точно воспроизвел мое недавнее движение, склонившись над стригоем и внимательно взглядываясь в его обманчиво невинное лицо.

– Спи, друг мой! – отчетливо и неподдельно заботливо произнес невидимый для меня прелат. – До ночи еще далеко!

Услышав подобное, я настолько растерялась, что даже забыла про свой неблагонадежный нос. Я, часом, не ослышалась? Полноправный член Папской курии называет поганого вампира «другом»! Причем, душевно так называет. Да это же просто немыслимо! Но кардиналу не было никакого дела до моего благочестивого негодования.

– А ночью, на переговорах, мы наконец-то покажем этим святошам, кто из нас настоящему достоин власти и крови! – экзальтированно бормотал кардинал. – Пришло время расставить все по своим местам!.. Но блокнот, мой блокнот с накладными и адресами, где же он? Возможно, завалился под диван? – кардинал резко нагнулся.

И тут мой предательский нос окончательно вышел из-под контроля. Осознав, что сейчас неминуемо случится одно из двух – либо ди Баллестро наткнется на мою шпионскую персону, либо громкое чихание провалит столь удачно начавшуюся диверсию – я не выдержала и решила на смелую импровизацию. Протянув руку, я вцепилась в тяжелую бордовую штору и рванула ее на себя. Медные кольца оконного карниза не выдержали, и гардина шумно обрушилась вниз, прямо на мою беспутную голову. Плотнo укутавшись в бархатное подобие роскошной патрицианской тоги, я с замогильным воем и пронзительным чиханием, окутанная облаком пыли, патетично восстала из-за дивана. Увидев бесформенное чудовище, возникшее практически из ниоткуда, кардинал громко икнул от неожиданности и смачно шлепнулся на пятую точку.

– У-у-у, апчхи! – устрашающе провозгласила я, почему-то, хотя и довольно к месту, вспомнив предание о легендарных шотландских призраках – баньшах. Да и, полагаю, именно сырые и зловещие холмы Северного Уэльса как ничто другое располагают к скорейшему развитию различных неприятных простуд и инфлюэнций. Ди Баллестро же, похоже, вспомнил что-то еще более страшное, потому что мелко перекрестился дрожащей рукой и вперед головой «рыбкой» нырнул под письменный стол. Я победно расхохоталась. Пугаясь в гардине, повторно переметнулась через безмятежно дрыхнувшего стригоя и, мстительно оттолкнувшись кроссовкой от согнутой кардинальской спины, вылетела за дверь. Захлопнула тяжелую створку и облегченно отбросила кусок пыльной ткани, в складках которой я чуть не задохнулась. Мои пальцы случайно ощутили что-то гладкое и прямоугольное. Я заинтересованно поднесла к глазам найденный предмет. Им оказалась тонкая записная книжка с элегантно переплетенными вензелями «А» и «Б» на обложке. Не эту ли занятную вещицу искал кардинал? Я безотчетно засунула блокнот поглубже в карман шорт и запрыгала вниз по лестнице, мучимая насущным вопросом первостепенной важности – что за встреча назначена на следующую ночь, и кому бы такому всемогущему немедленно продать свою бессмертную душу ради того, чтобы оказаться в числе лиц, допущенных на тайную стригойскую вечерю?

К моему удивлению, бурные утренние события заняли не так уж много времени – всего-то лишь час с хвостиком. Я недоверчиво уставилась на циферблат любимых дешевых пластмассовых «Casio», совершенно дико смотревшихся по соседству с алмазным перстнем. Ну надо же, оказывается для того, чтобы влезть в запутанную историю, достаточно каких-то скромных пяти минут. А вот последствия подобной глупости, без сомнения, мне потом придется расхлебывать до конца своих дней. Я удрученно хмыкнула. За минувший час моя жизнь успела измениться кардинально, благодаря кардиналу ди Баллестро, случайно сподвигшему меня на создание столь блистательного каламбура. Нет, я, конечно, и раньше подозревала, что жить вредно и опасно, от этого умирают, но даже не рассчитывала лично напороться на столь злостное предательство и двуличие. А кардинал Туринский оказался самым настоящим предателем – дерзким и несправедливо везучим.

– Вот черт! – расстроено буркнула я, необдуманно осквернив свои губы упоминанием лукавого. – Что же теперь делать-то? Ну не могу же я и в самом деле вот так запросто пойти к нашему монастырскому начальству, чтобы во всеуслышание заявить – кардинал ди Баллестро предал Церковь и вступил в сговор со стригоями! Ага, разбежалась, так мне сразу и поверили! У меня же никаких доказательств на руках!

Проблема и впрямь казалась неразрешимой. До ночи оставалось всего ничего, а я даже представить себе не могла – чего же такого хитроумного мне предстоит придумать, чтобы попасть в нужное место, то есть на засекреченную встречу со стригоями. Каким-то неведомым образом я понимала, что она чрезвычайно важна не только для нашего аббатства, но возможно, и для всего человечества. А еще я четко помнила, что минут через пятнадцать мне следует прибыть на лекцию по истории религии, но до занятий ли мне было сейчас? И тут план боевой операции сложился сам собой.

Я поднялась в свою комнату и спешно сменила шорты на более демократичные и идеально подходящие для любой ситуации джинсы. А затем тихонько, чуть ли не на цыпочках, проскользнула в общую столовую, надеясь незаметно урвать хотя бы кроху от остатков пропущенного мною завтрака. Я свято соблюдала очередное правило сенсея Кацуо: голодный боец – не боец. Мне повезло, на подносе сиротливо лежал последний, немного помятый сэндвич с сыром. Я только успела оголодало запустить зубы в ломоть свежей булки, сглатывая голодную слюну, как на мое плечо неожиданно опустилась тяжелая рука:

– Стоять, бояться! – голос грохотал, как раскаты грома. – А ты забыла, худобина, что тот, кто не работает, тот не ест?

Я облегченно выдохнула и обернулась. Подобным неповторимым тембром почти мужского баса мог обладать только один человек на всем белом свете. Вернее – одна. Именно она-то и имела устойчивую и давнюю привычку именовать меня не иначе как худобиной. И немудрено, ведь рядом с Оливией я всегда выглядела тощим веснушчатым недомерком – бледной пародией на настоящую женщину. А истинная представительница «слабого» пола, по меркам моей подруги, обязательно и всенепременно должна быть именно такой, как она сама – высокой белокурой валькирией с мощной талией, туго стянутой широким кожаным поясом, холодными, будто льдинки, голубыми глазами и рельефными бицепсами, угрожающе бугрящимися под постоянно закатанными рукавами белой хлопковой рубашки. Впрочем, уж к кому-кому, а к слабому полу Оливию если иногда и причисляли, то лишь с очень большой натяжкой. Невольно вспомнишь тут строки одного великого русского поэта, метко охарактеризовавшего: и коня из горящей избы на собственных плечах вынесет, и мужика наскоку подкует. Ну, или что-то вроде этого! Я буквально благоговела перед самобытной славянской литературой, считая ее ни много, ни мало восьмым чудом света. Поэтому исправно посещала факультатив по русскому языку, мечтая когда-нибудь прочитать Достоевского и Есенина не в адаптированном переводе, а в подлиннике.

А подружилась я с Оливией пару лет назад на почве хронической, страстной, доходящей до сумасбродства любви к оружию. Правда, если я предпочитала в основном мечи, да еще желательно из экзотической группы, близко знакомой только фанатичным коллекционерам или специалистам, – например такие, как слэшер или эспадон, то Оливия больше тяготела к огнестрельному, убойно-броневойному оружию. Никогда не забуду нашу первую встречу, произошедшую в аббатском арсенале. Мне срочно потребовались патроны для моего «Глока», который я тогда едва успела получить и активно пристреливала в свободное от учебы время, привыкая к весу отличного пистолета. Удачная модель – удобная и не слишком тяжелая, масса чуть превышает полкилограмма. Как говорится, оптимальный вариант для хрупкой женской руки, именно то, что доктор прописал. Справедливо опасаясь, что меня подловят на краже патронов и поэтому не включив верхний свет, я почти на ощупь пробиравалась между бесконечными рядами двухъярусных стеллажей, плотно забитых всякой всячиной. Судя по богатому ассортименту представленных боеприпасов, наше аббатство явно собиралось в самом ближайшем будущем ввязаться как минимум в третью мировую войну. Я оторопело рассматривала складские полки, дивясь буйной фантазии монастырского начальства. Тяжеленные ящики с противопехотными минами здесь вполне уместно соседствовали со связками хорошо обструганных осиновых кольев, а турецкие сабли в добротных ножнах – с грозным станковым пулеметом Дегтярева, нарочито скромно прикорнувшим под чехлом из брезента. Я восхищенно поцокала языком, вытянула из ячейки огромное американское армейское мачете, уважительно взвесила в руке и с вздохом сожаления положила на прежнее место. Ох уж эта моя совсем не женская любовь ко всему колюще-режущему, начиная от перочинных ножигов и заканчивая совершенно неподъемным музейным топором-лабрисом. Нет, такая бандура только Джону Рэмбо подойдет – сахарный тростник в Гондурасе рубить. Остановлюсь-ка я лучше на изящных клинках сенсея Кацуо... Вспомнив мастера, я невольно загрустила. И к чему, спрашивается, он упорно вдалбливает в мою дурную голову идею о том, что каждый боец должен иметь собственный меч? Учебные катаны, хотя, безусловно, и относились к числу неординарных клинков, годились лишь для скрупулезного отработки приемов школы Иайдо. Не ощущала я с ними той пресловутой духовной связи, которая, по словам старого японца, должна навечно соединить умелого бойца и его персональный клинок. Я долгими часами упоенно листала красочно иллюстрированные энциклопедии холодного оружия, пристально всматриваясь в фотографии знаменитых мечей, вздыхала и предавалась безудержным мечтам.

– Эх, мне бы вот эту саблю! – раскатывала я губы. – Ага, фиг тебе, дура наивная. Этот клинок принадлежал длинной династии османских султанов и стоит... Сколько-сколько он стоит? Да лопни мои глаза! Нет, лучше не смотреть – таких сумм просто не должно существовать в природе! Или вот эта потрясающая рапира. Она создана марсельским мастером Вийоном Батарди в 1734 году. Хм, купи лучше губозакаточную машинку, Селестина, да не зарься на клинок из коллекции французских королей. Клянусь стрелами святого Себастьяна, вот ей богу – распотрошу свой банковский счет, да и – эх! – куплю какой-нибудь раритетный меч!

Но у меня почему-то все не хватало дерзости отдать за палаш, рапиру или фламберг такую немереную кучу евро, что за нее спокойно можно было бы приобрести средних размеров городок, и так неосмотрительно разбазарить многолетние финансовые накопления моей семьи. Поэтому все эти смелые замыслы до сих пор так и оставались нереализованными, намертво затормозившись на стадии заветного мечтания. Впрочем, мастер Кацуо любит изо дня в день повторять одну и ту же, совершенно непостижимую моему разумению фразу, гласящую: не мы выбираем оружие, а оно выбирает нас. Но вот как это происходит на самом деле – я пока так и не поняла.

Итак, я осознала, что крутого спецназовца из меня не получится, и неохотно положила мачете обратно на полку. Убедилась, что разгрести эти завалы на ощупь – дело неблагодарное и никчемное, достала из кармана фонарик и нажала на кнопочку «вкл». Тонкий лучик бледного света переползал с коробки на коробку, еще сильнее сгущая темноту, обступающую меня со всех сторон. «Увы, – обреченно подумала я, – вот меня и настигла справедливая расплата за ненормированный перерасход патронов. Видимо, придется тащиться обратно к дверям и запалить потолочные светильники. Ибо в такой свалке сам черт ногу сломает!» К копытам лукавого я не испытывала никакого сочувствия, но вот своим драгоценным здоровьем рисковать не собиралась. Это только у ангелов и кошек по семь жизней, а у меня – одна, и поэтому прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно...

Ой! Я налетела на высоченный стеллаж и громко охнула. И в самом деле – больно. Определенно, нужно предложить брату Бернарду всю отловленную мелкую нечисть типа тех трех недомерков-гомункулусов, что у него в лаборатории томятся, загонять на этот треклятый склад. Готова поспорить на что угодно – они здесь через полчаса сами успешно поубиваются, и нам даже никаких боевых молитв тратить не придется. Дешево и сердито. И главное, минимум хлопот по восстановлению потраченной ментальной энергии. А может, сюда и нашу прожорливую русалку перебазировать? А то эта бабища с селедочным хвостом хомячит в день по десять килограммов креветок и уже разъелась, пожалуй, до центнера живого веса. У нас тех, кто двойку на коллоквиуме огреб или еще как проштрафился, традиционно отправляют кормить эту подопытную дочь Нептуна, а кушает она, надо признать, весьма медленно и некультурно – громко чавкая и рыгая. Зрелище не из приятных. Поэтому весь наш курс дружно ненавидел сие главное украшение монастырского вивария. Хотя нет, от русалки брат Бернард не откажется даже ради спасения собственной души – у нее же такой выдающийся во всех смыслах бюст, что даже сама сестра Аннунциата тихо дохнет от зависти. То-то главный экзорцист так любит медитировать в удобном кресле перед аквариумом со своей ненаглядной водоплавающей Памелой Андерсон... Нет, все-таки наш мир довольно справедливо Господом устроен – у каждого свои тараканы в голове, причем у некоторых – весьма крупные!

Лучик фонарика заполошно метался по проходу между полками и ярусами, высвечивая острые края каких-то конструкций и угловатые предметы непонятного назначения. Я, кажется, окончательно заблудилась где-то в самом центре обширного склада. Может, пора начинать орать «помогите»? А то глядишь, недель через пяток найдут в этом лабиринте мой вдрызг переломанный костяк, начисто обглоданный крысами. Испугавшись подобной мрачной перспективы, я набрала побольше воздуха в легкие, широко открыла рот и зычно гаркнула требовательным тоном:

– Помогите, спасите – умираю!

– Между прочим, иудеи по пустыне египетской сорок лет блуждали – и ничего, не померли! – немедленно донесся до меня чей-то насмешливый отклик. – Чего вопишь-то как оглашенная, страшно поди стало?

– Так это, заблудилась я, кажется! – осторожно вякнула я, так и не определив поначалу, мужчине или женщине принадлежит этот необычно низкий голос. Лучик фонарика высветил что-то необъятно-монументальное.

– Если кажется – креститься надо! – наставительно усмехнулись из темноты. – Али ты нехристь какая богомерзкая?

– Ну вот еще, ничего подобного! – возмутилась я. – Я самая что ни на есть правоверная католичка!

– Ой, что-то я в этом сильно сомневаюсь! Худющая ты какая-то, бледнющая, рыжеволосая и подозрительно зеленоглазая. А ты часом не мавка?

– Да человек я, че-ло-век!

– Хм, – продолжала сомневаться темнота. – А может, тебя стукнуть разок-другой на всякий случай?

– Послушайте, как вас там, – непритворно вознегодовала я, – что вы себе позволяете? А вдруг вы сами носферату или волколак?

– Кто, я? – оскорблено взревел трубный голос. – Худобина, пигалица, да как ты смеешь...

И прежде, чем я успела вставить еще какую-нибудь реплику, полумрак внезапно сменился ярким светом, являя моему взору самое необычное существо из всех, кого мне когда-либо довелось встречать.

Источником столь внезапно наступившего просветления – как на территории арсенала, так и в моих мозгах, оказался мощный галогенный фонарь, зажатый в руке высокой широкоплечей женщины, хмуро нависшей над моей рыжей макушкой. Нет, я и сама никогда не жаловалась на недостаток роста, но незнакомая дама вполне могла позволить себе называть меня и худышкой, и коротышкой, и вообще как ее душеньке будет угодно. Ведь против лома нет приема, а против такой девицы даже лом не поможет. Под два метра в высоту и чуть меньше в ширину, весом под сто пятьдесят килограммов, с длинными белокурыми косами и голубыми глазами истинной арийки. Настоящая скандинавская валькирия во плоти! Я обомлела, задрав голову и приоткрыв рот.

– Вот это да! – выдала я, шумно переведя дух и вновь обретая способность изъясняться внятно и членораздельно. – Офигенная находка. Клянусь золотыми локонами Марии Магдалины, вы – прямо живая копия Афины Паллады! Ну и приключеньце, да это же просто именины сердца и пир духа какой-то!

– Дура! Можно подумать, ты мертвую копию греческой богини видела! – снисходительно рыкнула валькирия. – Мы в замкнутом пространстве находимся, кругом полно взрывчатых веществ, и поэтому применение воспламеняющихся газов категорически запрещено! Так что ты поосторожнее со своей пирдухой тут, худобина! Не дай бог что случится – так мы и убежать не успеем, и улететь не сможем. Я сама давно уже утратила способность летать, а у тебя, думаю, и от рождения-то крыльев не водилось...

– У вас раньше были крылья? – не поверила я. – Так вы что?..

– Ну да, ангел я! – спокойно закончила девица.

Я потрясенно осела на ящик с противогазами, испытывая глубочайший шок. Пир духа отменялся!

Хорошая штука – скептицизм! Собственным глазам верить, конечно, можно и даже иногда нужно, но факты все-таки вещь упрямая и всегда говорят сами за себя. С особенностями божественной анатомии и физиологии ангелов я знакома на «отлично». Особи мужского пола непременно отличаются воистину небесной красотой, повышенной сексуальной тягой к человеческим самкам и наличием огромного запаса ментальной энергии, которой призваны делиться с той экзорцисткой, хранителем коей становятся согласно специфического плотского ритуала. Благодаря данной энергии, боевые молитвы экзорцисток и приобретают столь убойную силу в отношении любой богопротивной нечисти. Ангелы женского пола встречаются намного реже. Для того чтобы пересчитать тех из них, кто проживает в нашем аббатстве, запросто хватит пальцев обеих рук. Так же, как и юноши, девушки-ангелы всегда рождаются крылатыми, но если по достижении половозрелого возраста ангелица лишается девственности, то ее крылья просто опадают, будто осенние листья, делая свою бывшую владелицу обычной земной женщиной. Крылья старых дев остаются на месте, но постепенно усыхают, превращаясь в две никчемные, нелепо раскоряченные сухостоины, неловко торчащие из лопаток. Вывод один – если летать на них все равно уже невозможно, то лучше поскорее избавиться от этого мешающего убожества и жить себе спокойно. Если, конечно, не рассматривать две сухие оглобли в качестве наглядного свидетельства святости

и непорочности. Впрочем, я всегда подозревала, что летать женщинам не позволяют две глобальные причины, известные всем: скучная проза жизни или же, что случается намного чаще, мужчины! Остается единственная доступная нам возможность – летать не телом, но душой. И сейчас, глядя на белокурую валькирию, я мысленно поаплодировала смелости неизвестного мне храбреца, осмелившегося лишиться девства столь внушительную женщину. Надеюсь, что сам он в ходе этого пикантного процесса не пострадал... И еще – приходилось безоговорочно положиться на собственные глаза, достоверно свидетельствующие о том, что ангелы не всегда бывают гибкими, стройными и изящными. Скажи мне об этом кто-то другой – ни за что бы не поверила. Я вообще на редкость скептическая особа, верую лишь в Спасителя нашего Иисуса Христа, да еще в реальные, ничем не опровержимые факты. И ни в коем случае во что-то другое! Вот такая гнусная привычка, если вдуматься!

Было уже хорошо за полночь, когда Андреа и Рауль пешком отправились в сторону дома 13-б, расположенного на улице Мурано. От палатцо ла Витиччи его отделяло пять кварталов, но синьорина дель-Васто не пожелала воспользоваться услугами гондольеров, бойко зазывавших молодую и богато одетую госпожу на борт своих изящных суденышек, обещая незабываемую прогулку под звездами, которые сегодня светили особенно ярко. Да, в сегодняшней ночи ощущалось что-то волнующее и таинственное. Андреа глубоко вдохнула влажный воздух, остывший от дневного удушающего жара, и отбросила с головы широкий капюшон тонкого кожаного плаща. Черные шелковистые волосы мерцающей волной рассыпались по плечам, удивительно контрастируя с серебристо-серым платьем и белым плащом. Сапфирно-синие очи стригойки игриво подмигнули кучке низкорослых косоглазых туристов, восторженно пляшущих на ее высокую, стройную фигуру и птичьими голосами лепечущих на плохом итальянском: «Buona sera, bella!». «Ишь, ты, – мысленно усмехнулась Андреа. – Еще смеют заигрывать со мной, недомерки. Желают красавице доброго вечера. А между тем кровь у этих азиатов плохая, невкусная...» Но при этом она воспитанно улыбалась и благодарила вслух: «Grazie!».

Граф Деверо, неслышной тенью скользивший следом за своей повелительницей, высокомерно вздернул подбородок и проводил япошек голодным взглядом. До Великой охоты оставалось еще около двух недель. Он уже почти сожалел, что не уговорил стригойку воспользоваться слугами водного такси-мотонаве, рассчитывая на упоительные полчаса, проведенные в укромной роскошной каюте, но, к счастью, вовремя догадался, что сегодняшнее настроение Андреа вовсе не располагает к интимным сценам. И впрямь, нахмуренный белоснежный лоб девушки и опущенные длинные черные ресницы безмолвно свидетельствовали о том, что мысли прекрасной синьорины сейчас витают где-то вдалеке от верного поклонника, преданно следующего по пятам за ней. Точеные каблочки серебристых туфелек то начинали выбивать четкую размерную дробь, а то вдруг сбивались с отлаженного такта, выдавая перепады ее дурного расположения духа. Рауля безмерно возбуждала безупречная женственность Андреа. К примеру, она никогда не надевала вульгарных грубых штанов из неприязнательного синего денима. Впрочем, она вообще носила только классику, предпочитая наряды, присущие прирожденной аристократке. Честно говоря, влюбленного графа неизменно восхищали любой жест, поступок или слово повелительницы стригоев. А уж в искусстве одеваться она и подавно не знала равных себе, так утонченно подчеркивая свою невероятную красоту мельчайшими деталями туалета, что Рауль совершенно терял голову, возводя свою госпожу в ранг высшего существа или бога. И надо отдать должное Андреа, они и на самом деле являлась почти богиней, сконцентрировав в себе всю власть и силу, доступную исключительно одним только первородным детям Темного отца.

Они неторопливо пересекли оживленный мост Риальто, изумивший их обилием народа, несмотря на поздний час с энтузиазмом штурмовавшего многочисленные магазин-

чики или же просто любующегося потемневшей водой Большого канала. Андреа снова опустила капюшон плаща, не желая привлекать внимания любопытных зевак. Но сама улица Мурано, получившая название в честь одноименного островка, уже отходила ко сну, гася фонари и закрывая витрины несчетных лавок прочными стальными жалюзи. Внимание девушки внезапно привлекло одно довольно скромное окно, украшенное единственным светильником в форме океанического моллюска-наутилуса. Совершенная форма стеклянной статуэтки пленяла идеальными пропорциями и восхитила даже столь опытного ценителя прекрасного, как Андреа. О, синьорина дель-Васто неоднократно посещала самые дорогие аукционы Сотби и Кристи, совершенно не напрасно прославившись опытным коллекционером старинного австрийского фарфора и живописи эпохи Возрождения. Почувствовав неудержимый зов сердца, подсказывающий, что в этой незаметной лавочке может скрываться настоящее чудо, девушка нетерпеливо толкнула слабо звякнувшую колокольчиком дверь и вошла внутрь.

Магазинчик оказался совсем крохотным. Могучие плечи графа Деверо едва вписались в узкий проход между витриной, побуревшим от времени дубовым прилавком и застекленным стеллажом с несколькими полками, где на складках черного бархата призывно голубели прозрачные стеклянные статуэтки. Андреа настороженно прошлась вдоль выставленных на продажу экспонатов. Пара целующихся голубей, вставший на дыбы скакун с разевающеся гривой, пастушка с овечкой, кошечка с клубком, горделиво взлетающий на волне фрегат... Да, красиво! Отличная техника исполнения, филигранная четкость деталей, потрясающее качество самого стекла, кажущегося сгустком живого лунного света, да и цена немалая. Но все это не то, не то... Стригойка каким-то шестым чувством, далеко выходящим за грань обычного человеческого восприятия, ощущала ауру загадочной и древней силы, витавшей над этим непритязательным магазинчиком. Наличие некоего непонятого талисмана, предназначенного только ей – Андреа... Дверь в сумрачной глубине лавки неслышно приотворилась, и к прилавку шагнул сгорбленный, седой как лунь человек.

Приподняв бровь, девушка требовательно рассматривала временного владельца той вещи, которая вскоре по велению чуткого провидения должна была непременно перейти в ее руки. Стригойка это чувствовала. У старика имелось что-то неведомое. То, что с самого начала сотворения мира передавалось от человека к человеку, ожидая появления одной лишь Андреа.

Хозяин вежливо поклонился, с трудом сгибая скрюченную старостью и подагрой спину. Сморщенное лицо, сплошь состоящее из морщин и рытвин и напоминающее печеное яблоко, расплылось в угодливой улыбке. Жидкие пряди седых волос рассыпались по лацканам старомодного суконного сюртука. На краткое мгновение Андреа вдруг уловила тонкий барьер ментальной защиты, скрывающий от нее истинные помыслы мужчины и придающий ему видимость этой вопиющей старческой беззащитности, но странное марево мелькнуло как светлячок и исчезло бесследно, вновь оставив перед ней того, кого и видели ее пронизательные глаза – человеческую развалину, доживающую свои последние дни.

Старик судорожно затряс немощной головой, шуря подслеповатые глаза.

– Что угодно вашей светлости?

Андреа высокомерно хмыкнула:

– А ты не глуп, лавочник! Я начинаю верить, что твои зрачки еще не разучились отличать представителей благородного рода от обычных туристов, наводнивших древний город.

Распухшие пальцы хозяина суетливо зашевелились, извлекая из недр нагрудного кармана неряшливо скомканный грязный платок. Старик натужно отхаркнул вязкие нити мокроты и небрежно обтер вялые губы. Андреа брезгливо отодвинулась.

– Это не остатки зрения мне помогают, благородная синьора! – лукавая улыбка осветила сморщенное лицо. – Это чутье, весьма обострившееся за истекшие девяносто лет.

Именно оно и позволяет мне безошибочно угадать щедрого покупателя, способного заплатить достойную цену за главную жемчужину моей коллекции...

– Покажи! – невозмутимо приказала стригойка.

Старик мучительно долго шарил под прилавком, тяжело грохоча створкой потайного сейфа, и наконец выложил перед ней продолговатый бархатный футляр роскошного золотистого цвета. Андреа ощутила острое подобие кратковременного электрического импульса, уколотившего ее в самое сердце. То был неоспоримый знак предвидения, сопровождающий случайные стечения обстоятельств, призванные непредсказуемо изменить нашу жизнь. Руки стригойки, действуя самостоятельно, но совершенно осмысленно, жадно потянулись и откинули крышку футляра.

Он покоился на парчовой подкладке, испуская столь ослепительное сияние, что Андреа восхищенно зажмурилась, едва смея дышать. Старик глухо хохотнул, вполне довольный произведенным на покупательницу впечатлением. Это был фиал – полый сосуд, выточенный из цельного куска горного хрусталя, безупречно прозрачного и чистого, словно вода в роднике. Небольшой – величиной с ладонь, и имеющий непривычную форму креста с петлей на верхнем конце. Андреа узнала его мгновенно: анх – египетский символ вечной жизни. Поперечная перекладина заканчивалась двумя резными пробками, закрывающими отверстия, предназначенные для вливания жидкости. Внутри сосуда шла едва видимая переборка, разделяющая резервуар на две симметричные половины. Стенки прозрачного флакона украшали овальные картуши с заключенными в них иероглифами. Не веря собственным глазам, Андреа разобрала архаично прописанные имена Исида и Нефтиды.

– Что это, старик? – стригойка крепко сжала пальцы, не решаясь отпустить загадочный раритет. – Я знаю, эта вещь была создана задолго до возникновения христианского мира...

Старик умиленно промокнул слезящиеся глаза.

– Приятно встретить истинного ценителя! Прекрасная синьора знакома с египетской культурой?

– Более или менее, – коротко призналась девушка.

– О, тогда я расскажу! – радостно оживился хозяин, лицо его перекошилось, словно у одержимого бесами. – Великая праматерь земли Кеми – богиня Исида стала изначальным прообразом Богоматери христиан, а сын ее Гор, зачатый непорочно – один в один Спаситель наш Иисус Христос...

– И что? – грубо перебила его Андреа, содрогнувшись всем телом при упоминании имени Господа.

Но старик не заметил, или сделал вид, что не заметил произошедшего, и вдохновенно продолжил:

– Исида и ее единоутробная сестра Нефтида олицетворяли две противоположные половины всего сущего – Свет и Тьму. Влив свою кровь в разные части фиала, они увидели – что переборка внутри сосуда растворилась, а соки их жизней смешались воедино, образовав раствор, ожививший убитого Осириса и даровавший ему власть и посмертное существование...

Услышал заветное слово «кровь», стригойка напряглась, как охотник, почуявший дичь.

– Старик, твоя история напоминает детскую сказку!

Хозяин эпилептично затрясся и разгневанно сжал кулаки, усеянные пигментными пятнами.

– Каждая сказка содержит долю истины! А вам известно ли, что Иосиф Аримафейский – тот, кто собрал кровь, истекающую из ран Христа, висящего на кресте, дал женам-мироносицам странной формы сосуд с елеем, коим они помазали бездыханное тело Господа... – парадоксы, вылетающие из слюнявого рта, подвергали сомнению душевное здравие их автора.

– А после этого назаретянин воскрес и обрел невиданное доселе могущество... – шокировано протянула Андреа. Интуиция ей подсказывала, что старик искренне верит в каждое произнесенное им слово.

Рассказчик безмолвно кивнул, а потом снова торопливо затараторил, захлебываясь и глотая звуки:

– По легенде, именно этот сосуд помог царице Хатшепсут захватить власть, отстранить от престола молодого фараона Тутмоса и единолично править целые двадцать лет. А потом одна из прислужниц царицы выкрала фиал и передала его царю. Это стало концом Хатшепсут... Позднее фиал в форме анха унаследовал Эхнатон, фараон-отступник. Именно страх перед силой древнего раритета заставил его отвернуться от Исида и Осириса и стать приверженцем бога солнечного света Атона. Но Исида отомстила. Колесничий Эйе обманно завладел фиалом, сверг династию, построившую новую столицу – Амарну, и вернул прежних богов. Говорят, фиал был тайно захоронен в могиле побочного сына Эхнатона – царевича Сменхкарры. А много лет спустя этот же сосуд нашел потрясатель вселенной Александр из рода македонских царей...

Но Андреа уже давно не слушала старика, будучи не в силах справиться с водоворотом собственных мыслей. Она осознала, какую огромную ценность имеет этот легендарный хрустальный фиал.

– Кто же создал столь поразительную вещь?

Старик склонил голову на плечо, улыбаясь таинственной и снисходительной улыбкой безумца.

– У Бога множество имен, но это не меняет его сущности. Дьявола тоже называют разными именами. А ведь когда-то давно Добро и Зло были братьями и творили мир вместе. Творили не только мир...

– Сколько? – хрипло выдохнула стригойка, понимая, что ни одна сила на свете уже не способна вырвать египетский анх из ее цепких рук.

Старик что-то черкнул на бумажке и с поклоном вручил записку Андреа. Девушка чуть не задохнулась от чудовищной цифры, но даже не осмелилась торговаться и послушно выписала чек на требуемую сумму.

Старик пристально смотрел вслед ушедшим покупателям. На его лице четко проступила печать жгучей неприязни, скрывающей еще более острое отвращение. Казалось, он на короткое время вдруг выплыл из неотвратимо засасывающего его омута сумасшествия. Он провел рукой по лицу, легко устраняя тонкую силиконовую пленку, а вместе с ней и свои фальшивые морщины. Вытряхнул из-под сюртука накладной горб, выпрямил сухощавый, жилистый стан, стер с запястий разводы тонального крема, удачно имитирующие старческие пятна, собрал в пучок седые волосы и превратился в человека средних лет, еще чрезвычайно подвижного, гибкого как змея и полного скрытого огня. Он снял трубку телефона, искусно стилизованного под девятнадцатый век, и набрал длинный номер, мало кому известный, кроме него. Ему долго не отвечали, но мнимый старик, так виртуозно принявший облик настоящего хозяина лавки, сейчас крепко спящего в задней комнате под воздействием ударной дозы снотворного, оказался на редкость терпелив. Наконец протяжные гудки ожидания сменились гулкой тишиной.

– Дело сделано, рыбка заглотила наживку! – непонятно отрапортовал фальшивый хозяин.

Но его услышали и поняли.

– Отлично! – сдержано донеслось с противоположного конца провода.

Седовласый положил трубку на рычаг и хищно потянулся упругим торсом, с удовольствием расправляя сутуловатые плечи. Холодные серые глаза блеснули нездоровым азартом.

Колесо судьбы неудержимо раскручивалось, набирая обороты и ускоряя ход.

Глава 4

Все в нашей жизни подчинено определенным законам, которые неверующие люди называют слепым фатумом, а верующие – Божьей волей. Недаром древние греки даже естественную смену времен года объясняли циклическими колебаниями божественного настроения, придумав гениальную фразу: «Если все происходит так, как происходит, значит, это кому-нибудь нужно». Этапы человеческой жизни, сопровождаемые процессом умственного взросления, всегда подобны плавной смене природных сезонов. Как нежная весна сменяется цветущим летом, так юность незаметно переходит в зрелость, богатую подвигами и свершениями. Затем наступает золотая осень, дающая возможность пожать плоды щедрого урожая прожитых лет. А уж следом за осенью торопится седая зима с ее заслуженным отдыхом, уважением детей и мудростью, отданной потомству. Бог справедлив, он учит нас извлекать удовольствие и пользу из любого периода короткой, но насыщенной событиями жизни. Не будь глупцом и трусом, и жизнь твоя пройдет не напрасно. А после смерти твою брэнную оболочку предадут земле, дух же примут в рай или ад и воздадут там по заслугам. Ибо умирает только плоть, но душа – бессмертна. Смелый и умный живет вечно, трус и глупец не живет вообще. Дожив до двадцати лет, я начала часто задумываться о смысле и форме бытия, пытаюсь понять путь, уготованный мне Господом, путь, который мне еще предстояло пройти. Мне четко указали – вот это друзья, а это – злокозненные враги всего рода человеческого, что охотятся за нашими доверчивыми душами, стремясь забрать их обманом, силой или подкупом. Враги, которые пользуются нашей боязнью физической смерти, обещая спасение плоти ценой гибели души. И глупцы порой соглашались на такой неравноценный обмен, не ведая главного: тело, лишённое души, есть по сути своей ничто, мертвая никчемная оболочка. Души же, добровольно вобравшие тепло милосердия и свет добра, приближаются к Богу, уготовливая себе место на небесах. Души, попавшие в лапы к Дьяволу, становятся источником греха, служителями зла и тьмы. Дух должен быть светел, а помыслы – чисты. Ведь лишь тогда человек сможет достойно пройти свой жизненный путь, творя благие дела, идущие на пользу всему миру. Не слова и молитвы, не лицемерие и показные добродетели делают нас людьми, а только совершенные нами дела и благодарная память о них, намного переживающая отведенный нам земной срок.

Всеми фибрами души, всеми силами сердца и тела я интуитивно ненавидела мерзких тварей, служащих Сатане, а также всему лживому, гнусно притворному и омерзительно корыстному. Путь на ту сторону Добра прост и поначалу незаметен. Обмани – и Дьявол начинает потихоньку закрадываться в твою совесть, успокаивая ее приторно ласковыми оправданиями. Предай – и вот ты уже попал в ряды неисчислимого воинства Тьмы. Укради – и черти посчитают тебя своим другом. Путь греха заманчив и легок, путь добродетели труден и тернист. В любом из нас спит герой, и даже полубог, но возможно, с каждым днем все крепче и беспробуднее. Так проснитесь же, люди, пока еще не стало слишком поздно! Обернитесь лицом в сторону яркого света, не закрывая глаза на любую, даже самую мельчайшую несправедливость, происходящую рядом с вами. И тогда наш мир станет чище и лучше.

У каждого из нас неизбежно формируется свой индивидуальный способ познания мира, включая все его соблазны и искушения. У каждого из нас своя цель в жизни. «Возлюби врага своего!» – учит милосердный Господь. «Возлюби врага своего наименее приятным для него способом!» – подчеркнуто смиренно добавляют экзорцисты. «Библия учит нас любить ближнего своего, как самого себя!» – нудно талдычит отец Ансельм. «А Камасутра объясняет, как именно это нужно делать!» – шепотом вторят проказливые студиизы. «Боевой молитвой искореняй врагов рода человеческого!» – вносит посильную лепту непоседливый Натаниэль. «Пулей-то оно намного сподручнее!» – категорически не соглашается упрямая

Оливия. А я все думаю – достанет ли у меня сил найти свой правильный путь в жизни, сбегать от друзей, помочь ближним, победить врагов и узреть свет истины.

Господи, дай мне силу – силу гореть без чада,
Вспыхнуть, гореть, погаснуть, если тебе так надо.
Вспыхнуть без разогрева – словно замкнулась клемма,
Вспыхнуть в свой час заветный над крышами Вифлеема.

Дай мне не быть пустышкой, дай же не быть огарком,
Путь мой борьбою станет, битвой, а не подарком.
Дай перед злом не гнуться – гордо стоять и смело,
Ведь не слова нас красят а, безусловно, дело.

Если случится горе – с другом беда случится —
Господи, дай мне силу – с другом теплом делиться,
Слабым прийти на помощь, тело спаси и душу,
Господи, дай мне силу – я перед злом не струшу.

Дай хрустали мне ясность, дай закаленность стали,
Не подогнуть колени, коль дуло к виску приставят.
Дай не нарушить слово, не поступиться честью,
На мелочь не разменяться – и не купиться лестью.

Господи, дай мне силу, пусть это и опасно,
Вспыхнуть, гореть, погаснуть – только бы не напрасно.
Господи, дай мне силу – путь свой пройти не зря,
Только добро и веру в сердце своем храня.

– А че это я не работаю-то? – невнятно возмутилась я на всякий случай, побыстрее запихивая в рот остатки сэндвича.

Оливия с менторским видом нахмурила пшеничные брови:

– Не боись и не давьсь, не отберу. Хотя тебя чем ни корми, а все не в коня овес! Ты чего занятия-то пропускаешь? От учебы отлыниваешь, да еще трескаешь тут так, что аж за ушами трещит. Неправильно это!

– Неправильно! – покладисто согласилась я. – А это правильно? – и тут из меня торопливой скороговоркой вылилась вся история с кардиналом ди Баллестро и спящим стригоем.

Оливия растерянно свела глаза к носу, одновременно нащупывая на поясе кобуру с любимой «Береттой» девятого калибра, с которой расставалась лишь в том случае, когда брала в руки уж совершенно убойный пистолет-пулемет УЗИ. Кстати, душ и туалет она тоже посещала во всеоружии. Недаром высоченную ангелицу в нашем аббатстве называли не иначе как Богиней войны. Комната Оливии представляла собой хорошо укрепленный бункер – стены обшиты толстым слоем стекловаты и листами ДСП, в шкафу размещается импровизированный арсенал, под кроватью припрятан гранатомет. В монастыре воинственную Оливию недолюбливали – впрочем, вполне обоснованно не осмеливаясь смеяться над ней открыто. Называли параноидальной шизофреничкой, помешанной на личной безопасности. «На Бога надейся, а сам не плошай!» – добродушно ворчала Оливия, поймав чей-то очередной недоброжелательный взгляд. И как выяснилось впоследствии, именно ее натренированная бдительность и осторожность оказались тем решающим фактором, что в итоге спас наши жизни. Но в тот момент мы даже и не подозревали, в какую страшную историю окажемся

втянуты всего через каких-то двое суток. Знали бы – подстраховались, подготовились бы. Ну, да так зачастую и случается – человек предполагает, а располагает один только Бог.

– Что делать-то теперь? – тихонько спросила Оливия, выводя меня из состояния задумчивого молчания. Кажется, наша Афина Паллада впервые попала в ситуацию, где оружие не решало ничего. – Может, в наглуую зайдем с парочкой автоматов на этот брифинг и всех перестреляем к чертям собачьим?

Я выразительно покрутила пальцем у виска:

– Думаешь, все гениальное – просто? Но там будут присутствовать не только стригои, но и наши ангелы. И к тому же, мне нужна информация...

– Ну-у-у, – недовольно протянула Оливия. – На совещание допустят несколько человек из монастырского руководства и высших ангелов, а из них сведений не вытянешь.

И тут меня осенило:

– Оливия! – радостно возопила я. – Все гениальное и правда – просто! Мы добудем информацию именно у крылатых.

Ангелица смотрела на меня вытаращенными глазами.

– Полагаешь? – ее алые губы раздвинула несмелая улыбка. – А знаешь, я давно мечтаю поквитаться с Уриэлем! Что? О нет, ничего страшного, это чисто личное. Кстати, у меня в комнате имеются неплохие наручники и пара плеток.

Я фыркнула:

– Оливия! Ты там случайно, на досуге, мазохизмом не увлекаешься?

Ангелица густо покраснела.

– Ну, как знаешь, мое дело предложить! – она обиженно надула губы, хотя раньше всегда относительно спокойно воспринимала любые мои шуточки, даже самые дурацкие. Но, видимо, на этот раз я случайно задела ее за живое. Честно говоря, я давненько подмечала некоторое непонятное отчуждение, временами довольно заметно проявляющееся между командами двух признанных лидеров – Уриэля и Гавриила, но вроде бы Оливия всегда держалась обособленно, не торопясь принять чью-то сторону. Жаль, что я не сдержала язык, мне вовсе не хочется, чтобы между нами появилась стена недопонимания. Но, увы, на то, чтобы разобраться в проблемах Оливии, у меня сейчас банально не хватало времени. Поэтому я просто взяла подругу за руку и, преодолевая легкое сопротивление, притянула к себе, пристально всматриваясь в ее голубые глаза.

– Оливия, прости, пожалуйста! Видит бог, я не хотела тебя обидеть. Да и лезть в твою личную жизнь не собираюсь ни в коей мере. Но пытки ни к чему хорошему не приведут, я предлагаю совсем другое... – тут я встала на цыпочки, приникла к уху излишне рослой ангелицы и тихонько шепнула несколько слов.

Оливия коротко хохотнула:

– Здорово придумано! Одобряю!

Я польщено улыбнулась.

– Тогда идем к Натаниэлю, – но мысленно я дала себе клятвенное обещание когда-нибудь непременно докопаться до всех тщательно скрываемых тайн Оливии. Сложно сказать, почему меня так заинтересовало это мимолетное происшествие, но зачастую интуиция услужливо подсовывает нам готовые решения многих проблем именно тогда, когда мы почему-то этого не замечаем, либо еще не обладаем навыками их правильного применения. Ну да каждый из нас, как известно, учится на собственных ошибках, опрометчиво игнорируя чужие.

Комната Натаниэля изнеженно купалась в теплых лучах полуденного солнца, отливая всеми оттенками небесно-лазурного и молочно-белого цветов. Светлый мраморный потолок изысканно гармонировал с голубыми шелковыми обоями и лаковой мебелью, испещренной

серебристыми прожилками. Покажите мне любую на выбор комнату, и я с высокой долей вероятности скажу, какими именно качествами обладает ее постоянный владелец. Увидев ухоженное обиталище своего поклонника, я громко присвистнула от удивления. Несмотря на наши довольно близкие отношения, я никогда ранее не посещала этот райский уголок, совсем не без причины не доверяя скромности и добродетели красавца-ангела. А сейчас, глядя на открывшееся мне великолепие, я подумала, что подобные апартаменты скорее подошли бы какой-нибудь юной девушке, помешанной на чистоте и комфорте. По сравнению с ними моя собственная спальня невыгодно отличалась спартанской простотой и первостатейным бардаком, царящим на вверенных мне двенадцати квадратных метрах уже на следующий день после каждой генеральной уборки. Недаром же брат Бернард частенько отчитывал меня за злостные нарушения дисциплины, устава и порядка, налагая строгую епитимью в форме чистки картошки на монастырской кухне и опечаленно называя «ветром в юбке». Но суровый экзорцист неизменно ошибался в своих скоропалительных выводах. Из кухни меня изгоняли с регулярным и шумным позором, активнее чем какого-нибудь зловредного демона-суккуба, потому что с картошкой я расправлялась по-своему: шестью резкими кинжальными ударами обрубая кожуру вместе с большей частью съедобной сердцевинки. А юбки и подавно ненавидела самой лютой ненавистью – я не носила их с тех самых пор, как выросла из пеленок, убежденно предпочитая этим неудобным ухищрениям модных портных практичные и комфортные джинсы.

В центре бело-голубых покоев возвышалась широченная двуспальная кровать, на которой в эффектной позе свободно разлегся нагой Натаниэль, едва прикрытый уголком тонкой простынки. Оливия тут же развязно пихнула меня в бок, недвусмысленно намекая – мол, смотри, неудобина, от какого счастья ты отказалась! Правда, я так и не поняла, что более впечатлило воинственную валькирию: прекрасный юноша или же поистине умопомрачительное произведение искусных миланских мебельщиков.

На размеренно вздымающейся загорелой груди ангела чернел раскрытый том «Катехизиса», а рядом с кроватью небрежно валялось совершенно не уместное в этой комнате дарвинское «Происхождение видов». Оливия невежливым пинком перевернула знаменитый биологический опус, искренне недоумевая, чего это Натаниэль увлекся столь неподобающим ему чтивом. Ангел деликатно всхрапнул и перевернулся на бок, толстенный религиозный сборник вопросов и ответов звучно хлопнулся на пол. Простыня сползла, нескромно обнажая самое сокровенное... От неожиданности я вскрикнула. Натаниэль тут же раскрыл заспанные глаза.

– Аллилуйя! – привычно начал он. – Оба-на, если Магомед не идет к горе... – его красивые губы расплылись в победной улыбке. – Да ты никак передумала, Селестина...

– Не разевай на нее клюв, пернатый! – мрачно оборвала его Оливия. – Будь на то моя воля, я бы вообще всех вас кастрировала, начиная с ловеласа Уриэля...

– А вот и гора, легка на помине, – саркастично хмыкнул ангел, кокетливо прикрывая ладошкой причинное мужское место. – А как же тогда прикажешь поступать молоденьким экзорцистам, в одночасье лишенными божественной помощи?

– Дурак наивный, вот наша лучшая защита! – безапелляционно заявила Оливия, любовно поглаживая вороненую рукоять «Беретты».

Ангел возмущенно приподнялся, хватаясь за смятую простыню, и только приоткрыл рот, намереваясь дать достойную отповедь самонадеянной валькирии, как я торопливо вмешалась в их отнюдь не мирную беседу, стремясь предотвратить назревающий скандал.

– Нат, ты с чего это вдруг взялся Дарвина читать?

– Да вот решил проверить, изменяла ли Ева Адаму, – склочно буркнул ангел, обвиняюще тыча пальцем в «Катехизис».

– С кем? – обидно гоготнула Оливия, явно сомневаясь в умственных способностях белокурого красавца.

– С кем, с кем! – сварливо передразнил ее возмущенный Натаниэль, шумно взмахивая крыльями. – А это вы своего Дарвина спросите, разлюбезного! Это ведь он, еретик поганый, утверждает, что люди произошли от обезьяны.

– Да что ты несешь, охальник? – пожарной сиреной взвыла шокированная ангелица, выставив острые ногти и угрожающе направив их в лицо Натаниэлю. – Вот я на тебя Гавриилу пожалуюсь!

– Ага, сейчас! – злорадно возопил ангел, замахиваясь злополучным томом антибожественной галиматьи. – Люди-то, может, и от обезьян, а вот ты, толстомяся, точно от Кинг Конга!

Я безудержно хохотала, прикрываясь всеми позабытым «Катехизисом» и громко икая от смеха. Но Оливии было не до веселья. Всерьез разозленная валькирия тяжело прыгнула на кровать, жалобно скрипнувшую под ее немалым весом, и попыталась ухватить за предплечье яростно отбрыкивающегося Натаниэля. Растопыренные пальцы ангелицы вскользь мазнули по его обнаженному плечу, оставляя четыре кровоточащих борозды. Ангел взвыл от боли и ударил девушку мощным, широко распахнутым крылом. Клубок из двух переплетенных, рычащих и сопящих тел покатился на пол, рассыпая белоснежные перья и клочья разорванной простыни. Я бестолково хлопала ресницами, соображая – то ли бежать за кувшином холодной воды, дабы поумерить пыл противников, то ли разнимать их безотказным, но весьма шумным способом – выстрелом в воздух. Но внезапно в мою голову пришла гораздо более оригинальная идея.

– Спасайся, стригои идут! – заполошно заорала я, рискуя сорвать голос. – Хотят нам секир-башка делать!

Клубок мгновенно распался. Я насмешливо рассматривала Оливию – косы расплелись, блузка разорвана, под глазом стремительно наливается огромный лиловый синяк. Натаниэль держался победителем, с нарочитой небрежностью прикрываясь остатками простыни. Несколько маховых перьев на его крыльях висели только на честном слове, того и гляди выпадут.

– Хватит! – брезгливо поморщилась я. – Клянусь святой Агнессой, вам бы двоим в курятнике разборки устраивать. Шум, пух, перья... Стыд и срам, а еще – ангелы... Вроде, совсем разные, на первый взгляд, но если вдуматься – вы так между собой похожи...

– Конечно, похожи! – буркнула Оливия, отводя глаза. – Если поздно вечером арбуза поедим, так обязательно ночью оба в туалет побежим. А в остальном – ничего общего...

Нат обиженно засопел припухшим носом:

– Это все она затеяла! Подозреваю – от застарелой бабской зависти. Не может летать, ну и того...

– Ангелица робко прячет тело жирное в утесах? – язвительно подхватила валькирия. – Ты, Нат, и сам-то отнюдь не орел, и мозги у тебя соответствующие – птичьи!

Оскорбленный ангел засопел еще громче, не осмеливаясь соревноваться в остроте языка с Оливией, известной скандалисткой и задирой.

– Да я ничего, в общем-то, – уже более миролюбиво ворчал он, – я тебе давно советовал – садись на диету. Это, между прочим, по-дружески, по доброте душевной, так сказать. А летать все умеют, просто не у всех получается правильно приземляться...

Оливия презрительно скривила алый рот, приглаживая растрепанные косы.

– Ага, испугался, подлизываться начал. Ваша компания испокон веков трусостью славится. Почти шестьсот лет прошло, а вы не изменились ни на йоту...

– Шестьсот? – поперхнулась я.

– Ага! – валькирия величественно кивнула гордой головой. – Та битва при Тырговиште... Никогда не забуду, как Уриэль и эти его приспешники, – тут она небрежно ткнула пальцем в сторону растерянного Натаниэля, – улепетывали во все крылья, оставив на поле боя множество раненых и, если бы не Гавриил – возможно, миром сейчас правили бы стригои. Вот тогда-то первый приближенный к Богу архангел и возвестил нам, что настанет день, когда явится миру дева...

– Оливия! – словно очнувшись, во всю мощь своих отнюдь неслабых легких оглушительно возмутился Натаниэль. – Ты чего несешь-то? Забыла, как отец Ансельм велел тебе язык за зубами держать, особенно в отношении Селестины?

Подруга тут же с клацаньем прихлопнула болтливый рот, и поспешно сделал вид, будто ничего не случилось.

– Ли-и-и-в..., – просительно протянула я, строя невинно-умильную мордочку. – Ну расскажи...

Нат показал Оливии кулак. Девушка виновато почесала в затылке:

– Неисповедимы пути господни! – примиряюще вздохнула она. – Всему свое время, Сел. Если тебе суждено узнать о чем-то, то не сомневайся – ты когда-нибудь об этом непременно узнаешь.

Меня чуть на части не разрывало от любопытства. Нат и Оливия определенно знали что-то особенное, причем напрямую касавшееся меня. А я даже приблизительно не представляла, о чем в целом идет речь, случайно ухватив жалкий кусочек информации, легкомысленно выболтанный подругой. Надо признаться, сегодняшней день, начавшийся с помощью любвеобильного ангела весьма рано и бурно, оказался излишне богат непонятными событиями, в корне изменившими неторопливое течение моего довольно скучного и однообразного существования. И, наверное, даже истый искатель приключений не очень-то обрадуется, внезапно ощутив себя главным героем запутанного квеста, причем в какой-то жутко сумбурной, глюкнутой версии. Но сейчас мне пришлось вынужденно смириться и мысленно внести еще одну пометку в свой блок памяти, отложив на потом и эту тайну. Массив непонятных и загадочных событий разрастался буквально на глазах. Поиск собственного жизненного пути неожиданно осложнился, обрастая различными независимыми от меня деталями. А до тех пор, пока я в них не разберусь...

– Селестина, да ты никак уснула? – два громких голоса вывели меня из философских размышлений, призывая обратно, в этот несовершенный, грешный, но такой интересный мир. – А как же стригои, чего они там опять затеяли?

Я подозрительно посмотрела на ангелов, уже вполне утихомирившихся и теперь чинно сидящих бок о бок на изрядно развороченной кровати Натаниэля. Что-то вид у них уж больно елейный. Притворяются, поди? Про стригоев вон вспомнили... Стоп, про кого – про стригоев?

– Обманщики! – гневно возопила я. – Лгуны двуличные. Я к вам, понимаешь, со всей душой, а вы... а вы... – у меня от возмущения даже дыхание в груди сперло. – Ну ладно Оливия, я с ней всего-то пару лет как подружилась. Но ты, Нат, как ты мог скрывать от меня такое?

– Ну вот опять, чуть что, так сразу Натаниэль! – кисло скривился ангел. – Я вечно крайний, что ли? А у меня, между прочим, тоже не всегда все аллилуйя, у меня еще и строгое начальство имеется, готовое, если что, сразу же по шее наkostenять. Поступил четкий приказ – никому из молодых экзорцистов не рассказывать о существовании стригоев. Вот экзамены сдадут, обряд Причастия пройдут – тогда, пожалуйста, пусть кушают кровососов, сколько влезет – с булочкой и кетчупом. А пока – молчать...

– Это почему же? – искренне удивилась я. – Разве проклятые кровососы не являются нашими самыми страшными и жестокими врагами?

Нат согласно кивнул белокурой головой.

– Аллилуйя Господу, правильно говоришь, Сел. Да только стригои намного хитрее и сильнее, чем ты думаешь. Им ничего не стоит обманом или другим дьявольским соблазном заманить в свои сети наивного человека, еще не обретшего силу Причастия. Или, что того хуже, юную девушку, не успевшую получить личного Ангела-хранителя. Ибо новообращенные стригойки – твари женского полу намного хитрее, беспощаднее и изворотливее, чем кровососы-самцы.

– А-а-а! – глубокомысленно протянула я. – Но тогда тем паче, кому-то из нас нужно обязательно попасть на сегодняшнее ночное совещание и узнать, с чем таким срочным стригои пожаловали в нашу святую обитель. Судя по регалиям спящего в бордовой комнате красавца, в иерархии Проклятых он занимает далеко не последнее место.

– Знаю, – нехотя ответил Натаниэль, – мне уже Оливия все рассказала о твоей утренней вылазке, пока ты тут медитации предавалась. Так что ныне от тайны остался один пшик, и молчать мне стало не резон. Только ерунда эта твоя затея – пробраться на тайную встречу. Уриэль бдительно следит за неразглашением ценных сведений и не допустит никакого, хотя бы самого мельчайшего промаха. Уриэль, он знаешь какой... – тут ангел осекся, уловив насмешливый взгляд Оливии. – Короче, из архангелов он самый крутой! – но фраза прозвучала как-то неуверенно.

– Ага, – ехидно откликнулась валькирия, – верим, верим. – Выше Уриэля – лишь звезды, а круче его – только вареные яйца. Хвастун ваш Уриэль, вот кто! – и она шепотом добавила еще несколько уже совсем обидных эпитетов.

Точеное лицо Ната налилось багровой краской возмущения.

– Да как ты смеешь возводить поклеп на первого советника самого Господа? – он не кричал, а почти шипел, бешено вращая выпученными глазами. – Неужели ты, женщина, совсем не боишься Божьего гнева?

– А вот вам всем! – Оливия смачно продемонстрировала толстые пальцы правой руки, нахально сложенные в увесистую дулю. – Чихала я на твоего Уриэля!

Натаниэль оскорблено нахохлился, становясь похожим на голодного злобного сыча.

– А ну-ка, хватит! – я требовательно хлопнула ладонью по краю матраса, жалобно скрипнувшего всеми своими патентованными ортопедическими пружинами. Из крыльев Ната выпало еще некоторое количество перьев. – Нашли подходящее время для выяснения личных отношений! Вот разберемся со стригоями сначала, а потом хоть глаза друг другу повыцарапывайте! А ну, слушайте меня...

Натаниэль и Оливия нехотя угомонились, прекратили сверлить друг друга ненавидящими взглядами и повернулись в мою сторону. Я приблизила губы к уху ангела и, улыбаясь самым премерзким образом, коротко изложила возникший у меня в голове план, ликуяще наблюдая, как челюсть красавца медленно отвисает с каждым моим словом.

– Аллилуйя, – шокировано выпалил Нат любимое словечко, едва дослушав меня до конца. – Сел, ты что, совсем сбрендил? Не согласный я ни в коем разе! Да что обо мне после этого друзья говорить станут? А девушки? Ты меня так совсем дискредитируешь в глазах молодых экзорцисток. Да надо мной сам Уриэль смеяться будет! И потом, на эту старую швабру даже упырь не позарится...

Но я одним командным взмахом ладони безапелляционно пресекла слабые протесты несчастного юноши. Рывком подняла его с кровати, критически оглядела со всех сторон и эффектно задрапировала в обрывки белой простыни, заматывая их наподобие тоги древнего сенатора. Коротковато конечно получилось, но так даже лучше. Эффектнее. Надо признаться, что голое загорелое тело, проглядывавшее сквозь прорехи самодельного одеяния, выглядело весьма сексапильно и придавало ангелу еще более соблазнительный, чем обычно, вид. Несколькими небрежными взмахами я пышно взбила его и без того шикарные

локоны, цапнула с подоконника пестрый керамический горшочек с хилой геранью и сунула в послушно обмякшие руки.

– Вперед, мой победитель! – я развернула Ната к двери и довольно чувствительно пихнула в спину. – Над тобой не смеяться будут, а напротив – объявят народным героем и памятник еще при жизни воздвигнут...

Герою памятник воздвигли средь аллея,
Для антуражу дали и клинок, и пушку...
Но стаи обнаглевших голубей
Красавцу часто гадят на макушку... —

вдохновенно продекламировала Оливия.

Нат обреченно всхлипнул и мученически раскорячился в дверном проеме.

– Садистки, не пойду я никуда!

– Ща как стукну! – с нехорошими интонациями пообещала Оливия.

Плечи юноши поникли.

– Да ты подумай получше, дурачок! – ненатурально увещевала я. – Ну, скажи, чем она плоха? Умная, стройная, красивая, добрая – да просто клад, а не женщина!

– Ага, так бы и закопал! – давилась хохотом вредная валькирия.

– Стервы! – тихонько выдохнул Нат и с левой ноги отрешенно шагнул через порог комнаты. – Аллилуйя! – донесся до меня его жалобный стон, медленно затихающий вдалеке.

– Со щитом или на щите! – в лучших традициях античных дам, провожающих на подвиг своих отважных воинов, прощально выкрикнула я вслед его удаляющейся фигуре и, опасаясь, что ангел передумает, быстро захлопнула резную дверь.

– Думаешь, получится? – скептически спросила Оливия, вытягивая из стоящего на столе блюда сочный персик и с упоением погружая зубы в его аппетитную мякоть.

– Не знаю, – сок второго персика брызнул мне на подбородок. – Подождем его возвращения. Вроде бы, старая гримза Ариэлла давно по Нату вздыхает... Да и харизма у него – дай Бог всякому!

– Харизма! – ехидно прищурилась ангелица. – Так ты все-таки успела ее разглядеть? Ну и какая она – такая? – валькирия вопросительно развела ладони, отмеряя примерно сантиметров двадцать – двадцать пять. – Или еще больше?

– Ну, зачем сразу все опошлять-то! – упрекнула я нескромную подругу. – Я же о размере... тьфу – о красоте души говорю, а не о том, на что ты намекаешь!

– Хорошо, пусть будет красота! Но что-то все равно не завидую я нашему рафинированному красавчику! – мстительно хохотнула Оливия и, не снимая сапог, бесцеремонно завалилась на благоухающую дорогим одеколоном кровать. – Ариэлла – она такая невзрачная... – тут ангелица скривилась с ярко выраженным чувством огромного личного превосходства. – Вот это и называется: ангелу чертовски не повезло!

Под козырьком подъезда голубовато сиял одинокий светильник, выполненный в форме магического шара. Андреа пренебрежительно поджала губы, дивясь столь вульгарной рекламной декорации.

– Почему бы не написать прямо – «здесь принимает ведьма»? – риторически спросила она у крикливо пышного фонаря, разглядывая запертую черную дверь. – Это точно дом 13-б?

– Точно, – подтвердил Рауль, обнаруживший латунную табличку, укрепленную на кирпичной стене. – И именно по улице Мурано. Все верно, дорогая, нам сюда. А что, – он иронично приподнял бровь, – ты действительно веришь в ведьм?

– А ты веришь в подделки, мой любезный граф Деверо? – тоненько хихикнула девушка, пребывавшая после удачной покупки хрустального анха в прекрасном настроении. – Вопрос состоит в другом: верят ли ведьмы в нас?

– Гм, – картинно задумался Рауль. – Ну, во всяком случае, официально наше существование отрицают все, включая чопорную католическую церковь.

Андреа хитро улыбнулась.

– Обожаю неофициальные версии! – она нажала крохотную кнопку, сиротливо выделяющуюся на гладкой дверной поверхности.

Через секунду раздался мрачный музыкальный проигрыш и ожил незаметный взгляду динамик:

– Кто вы и что вам угодно? – поинтересовался лишенный интонаций голос.

– Меня зовут Андреа дель-Васто, и я желаю получить аудиенцию у госпожи Маго Руфолли по строго конфиденциальному, – тут стригойка игриво подмигнула Раулю, – делу.

– А мужчина с вами? – донеслось из динамика.

– Он мой телохранитель! – спокойно уведомила Андреа.

Несколько минут ничего не происходило, и девушка уже начала подозревать, что по какой-то неведомой причине их решили не впускать внутрь дома, как вдруг дверь негромко щелкнула язычком кодового замка и приглашающе приоткрылась.

Они прошли скупо освещенным коридором, затянутым черным бархатом и разрисованным серебряными алхимическими символами. Андреа сердито хмурила брови, брезгливо рассматривая эту примитивную экзотику, призванную поразить доверчивые сердца жаждущих чудес обывателей. Рауль равнодушно скользнул взглядом по приемной эксцентричной ясновидящей, крепко сжимая доверенный ему футляр с драгоценной покупкой, завернутый в обычный пластиковый пакет. Коридор тянулся метров на десять, заканчиваясь густой занавеской из позвякивающих нитей крупных стеклярусных шариков.

– Входите! – низкий грудной женский голос шел из-за занавеса. – Я чувствую ваши энергетические эманации!

Андреа язвительно хмыкнула, прозорливо подозревая, что осведомленность шарлатанки объясняется вовсе не ее паранормальными способностями, а возможностями удачно спрятанной камеры видеонаблюдения. Стеклярус зазвенел, раздвигаясь...

Маго оказалась женщиной средних лет, жгучей брюнеткой, плотной и коренастой. Андреа предусмотрительно прикрыла лицо складками капюшона и подошла к столу, за которым восседала ясновидящая, сделав Раулю знак остаться около входа в маскирующем полумраке. Наверное, хозяйка салона давно привыкла к тому, что подавляющее большинство ее клиентов желает сохранить инкогнито, поэтому не предприняла ни малейшей попытки поближе рассмотреть черты прекрасной посетительницы. Лишь на мгновение тяжелое лицо госпожи Руфолли исказила краткая гримаса острой зависти, вызванной стройной, высокой фигурой стригойки,двигающейся с тем ненавязчивым изяществом аристократки, которое невозможно приобрести никакими тренировками. Подобная грация бывает только врожденной. Но Маго умело справилась с эмоциями, снова принимая отвлеченно-любезный вид. Андреа гибко опустилась в низкое кресло напротив хозяйки, по другую сторону круглого стола, и слегка кивнула.

Бесформенная хламида, довольно неудачно имитирующая магическое одеяние, заколыхалась. Маго величественно возложила на скатерть короткопалые руки с накрашенными черным лаком ногтями и пододвинула к себе большой стеклянный шар.

– Что привело вас ко мне, синьора? – Руфолли тяжело навалилась на стол массивным бюстом, делая вид, будто усиленно вглядывается в магический шар. Последовало несколько неопределенных пассивных ладоней, приведших к возникновению красной светящейся точки, зажегшейся внутри стекла.

– Радуйтесь, сегодня духи благосклонны к вам, они откликнулись на мой призыв и готовы открыть будущее!

Андреа кусала губы, старясь сдержать ехидный смех. Магией здесь и не пахло. В деревянной столешнице скрывался обычный проводок, подсоединенный к лампочке, свет которой и проникал через стеклянный шар – мистифицируя посетителей.

А ясновидящая продолжала колдовать. Шар переливался блеклыми разводами всех цветов радуги, полученными, по мнению Андреа, с помощью упаковочной фольги. В комнате раздавались нечеткие звуки, напоминающие не то заунывное дуновение кладбищенского ветра, не то – вздохи неуспокоенных душ, блуждающих во мраке. Возможно, все эти трюки и оказывали сильное впечатление на доверчивых буржуа и падких на развлечения туристов, но Андреа они раздражали, заставляя сжимать кулаки и скрывать нарастающее возмущение.

– Вижу! – победно провозгласила шарлатанка. – Вы хотите узнать, разделяет ли ваш избранник то сердечное влечение, которое вы испытываете по отношению к нему!

Стригойка безмолвно кивнула, наслаждаясь разыгрываемым представлением.

Маго глубоко вздохнула, закатила глаза и затрясла обвислым подбородком, усиленно изображая попытку установления контакта с потусторонними силами.

– Плохо ваше дело! – притворно искренне посочувствовала она, снова приходя в себя. – Ваш любимый временно связан с другой женщиной, но за триста евро, – голос обманщицы предательски дрогнул, выдавая жадность, царящую в корыстном сердце, – я изготовлю для вас сильнейшее приворотное средство, способное навсегда отвратить его от разлучницы!

Андреас хмыкнула, правдоподобно изображая сомнение и недоверие.

Вымогательница усилила нажим:

– Я могу призвать высших духов, это придаст вам уверенности в моих силах!

Андреа кивнула повторно, желая увидеть весь избитый репертуар мнимой ясновидящей.

Маго снова закатила глаза и затряслась еще сильнее. Видимо, она оказалась не совсем уж бездарна и неплохо владела чревоуещанием, потому что смогла заговорить, правда, не очень внятно, но все же проделывала это довольно искусно – не открывая рта и не разжимая губ.

– Внемли мне, женщина! – голос, донесшийся из утробы шарлатанки, стал низким и неузнаваемо глухим. – Я Сатана, князь Тьмы! Я мог бы выпить твою кровь и забрать душу, но я велик и милосерден...

И тут терпение Андреа закончилось. Жалкие потуги этой посредственной комедиантки выглядели оскорбительным плевок в сторону ее собственного могущества. Она сильным гневным пинком оттолкнула в сторону стол с фальшивыми атрибутами магического ремесла, молнией взвилась из кресла и схватила Маго за толстую шею, крепко сжимая гортань. Обманщица испуганно выкатила глаза, пытаясь кричать, но ни звука не вылетело из ее горла, пережатого с нечеловеческой силой.

– Ты, убогая лицедейка, – стригойка откинула капюшон плаща, сверкая клыками и наслаждаясь ужасом задыхающейся жертвы, – ты вздумала шутить с силами, о которых не имеешь ни малейшего понятия. Но я познакомлю тебя с моим Темным отцом...

Глаза Андреа встретились с расширившимися зрачками беспомощной женщины, околдовывая, гипнотизируя, пресекая возможность сопротивления. Грузное тело Маго вяло обвисло в кресле, и она лишилась сознания. Стригойка жадно приникла к жирной шее, высасывая теплую кровь, пьянящую сильнее вина. По комнате поплыл сладковатый, чуть гнилостный запах. Рауля, стоящего у входа, трясло как от приступа эпилепсии. Наконец госпожа насытилась и подозвала верного слугу, позволяя и ему вкушать алого напитка жизни и вечной молодости. Несколько минут спустя тело Маго Руфолли, трупно-синее и сухое,

распростерлось на ковре с неловко разбросанными руками и ногами в гротескном подобии святого креста.

Андреа вынула из привешенной на пояс сумочки стальную иглу с вдернутой в нее шелковой нитью и несколькими неровными стежками ловко зашила рот мертвой гадалки. А затем одним ударом острых ногтей располосовала ее шею точно под подбородком, образовав темный, глубокий провал.

– Отец мой, – жарко зашептала стригойка, опуская на колени подле трупа, – приди, помоги своей любимой дочери! Будущее страшит меня. Направь руку мою, просвети мой разум, подскажи мне скрытую истину. Слишком много тайн вьется вокруг меня! Что узнал кардинал ди Баллестро? Какую загадку таит в себе древний хрустальный крест?

Внезапно труп ясновидящей слабо шевельнулся, мертвые глаза отрылись. Но ничего земного не присутствовало уже в этих кроваво-красных зрачках, пылающих неугасимым огнем преисподней. Неровные края темного провала в горле натужно зашевелились, рождая звуки, складывающиеся их в слова. Андреа наклонилась к ране и прислушалась.

– Две дочери, – вещал темный дух, вошедший в изуродованное тело. – Дочь Тьмы и дочь Света. Две древних родственных крови, произошедших из одного источника, но разделенных на века, теперь снова слились воедино. Две сестры, рожденные силой земли Монсегиора, но разделенные христианским Богом. Три ключа от Ада, оказавшиеся в руках этих дев. Это и узнал кардинал-отступник. Найди свою сестру, дочь моя... Истреби Дочь Господню, пока она не убила тебя...

– У меня есть сестра! – дико закричала Андреа, вцепляясь в плечи трупа и терзая бескровную, шуршавшую, словно бумага, плоть. – Но кто она, где мне ее искать?

Тело Маго Руфолли начало стремительно усыхать и крошиться, превращаясь в пригоршню серого пепла. И мгновение спустя в комнате осталась лишь растерянная стригойка, бессильно царапавшая грязный, засыпанный пылью ковер.

Глава 5

«Аллилуйя, вот уж повезло, так повезло! – мрачно размышлял Натаниэль, шагая по коридору служебного крыла. – А во всем виновата сумасбродка Селестина с ее безудержной фантазией!» Изорванная простыня сползала с бедра, нелепый горшок с цветами мешался, да и вообще капризный ангел, привыкший к всеобщему поклонению и восхищению, впервые за многовековую жизнь чувствовал себя дураком, и, надо признаться, это ему весьма не понравилось. Подумать только, его – первого красавца и соблазнителя (конечно, после Уриэля), отправили очаровывать какую-то старую замшелую деву, обладающую внешностью и характером гарпии. Натаниэль тяжело вздохнул. О-о-о, теперь-то он отлично понимал, почему женщины среди ангелов составляют всего-навсего десять процентов. Ведь прими в рай всех без разбору особ слабого пола – склочных, сварливых и безудержно болтливых, то чем тогда, скажите, рай будет отличаться от ада?

Наконец, преодолев немало крутых лестниц и заброшенных переходов, ангел достиг низенькой незаметной двери, находящейся в самом отдаленном подвале обширного старинного здания, отведенного под аббатство. Здесь располагалась прачечная со всевозможными машинками для стирки, сушками, гладками и прочими, неведомыми Натаниэлю заморочками. Впрочем, рассмотрев все подробности этого тайного мирка, белокурый красавец, до настоящего момента никогда не задумывавшийся о том, откуда берутся его чистые, надушенные лавандой простыни, белоснежные рубашки и безукоризненно отглаженные льняные брюки, ощутил даже некоторое уважение к женщинам, работающим в столь тяжелых условиях. Местный воздух казался излишне сырым и липким из-за повышенной влажности и густого запаха каких-то химикатов, а конденсирующиеся на потолке капли воды непрерывно стекали по каменным стенам, создавая на редкость неприглядный интерьер. «Прямо какие-то гестаповские катакомбы или же застенки средневековой инквизиции!» – мрачно подумал юноша, зябко передергивая голыми плечами. План, придуманный Селестиной, предполагал куда более романтическую обстановку и уж точно никак не вязался с этими угрюмыми казематами. Да и где он должен обольщать старую Ариэllu? Неужели на куче несвежего белья? Бред, никаких шансов на успех в таком случае у него не имеется, и вся задуманная операция пойдет насмарку. «А впрочем, – Натаниэль лихо тряхнул кудрявой головой, – не укусит же меня, в самом деле, эта престарелая прелестница? А если даже и укусит, то... наверное, не очень больно!» Ему невольно вспомнилось любимое изречение отважного Уриэля, гласившее: «Баб бояться – в бордель не ходить». А также старинные байки, рассказывавшие о том, как однажды златокудрого архангела застучали в спальне у королевы Елизаветы Английской. Хотя ту даму до самой смерти так и называли девственницей... Поэтому Натаниэль отважно приосанился, сложил губы в самую обольстительную улыбку и храбро толкнул осклизлую дверь с надписью: «Кабинет главной кастелянши».

За обшарпанным канцелярским столом, окруженным кипами неглаженного белья, восседала сама Ариэлла, подслеповато уткнувшись в древний, распухший от сырости гробсбук. Из спины деловой леди грозно топорщились две преогромные, обтянутые морщинастой кожей палки – отатки усохших крыльев, символ застарелой девственности, наглядно свидетельствующие о святости и непорочности своей обладательницы. Натаниэль, видевший Ариэllu неоднократно, но всегда смотревший как бы сквозь нее, пристально разглядывал свою будущую пассию, стремясь обнаружить перечисленные Селестиной достоинства. Увы, нахальная девчонка не произнесла ни слова правды. Вместо стройности в фигуре пожилой дамы присутствовала удручающая худоба, наводя на вполне уместное сравнение с угловатым алюминиевым каркасом, обтянутым безнадежно вышедшим из моды платьем. Доброта никак не могла сочетаться с этим желчным тощим лицом, сильнее всего напоми-

навшим лошадиную морду со странно удлиненными бесцветными глазами и хрящеватым носом. Красота абсолютно не вязалась с нездоровой землистой кожей и жидкими волосами, небрежно скрученными в кривоватый пучок. Натаниэль печально вздохнул... Ариэлла онемела, ошарашенно таращась на прекрасный призрак, неожиданно возникший на пороге ее скромного убежища.

Сел оказалась права. Тощая ангелица уже многие сотни лет страдала от неразделенной и всегда тщательно скрываемой любви к обворожительному Натаниэлю. Стареют все, даже бессмертные ангелы. Когда-то, почти шестьсот лет назад, Ариэлла была юной и прекрасной девой, более воинственной, чем Оливия и более соблазнительной, чем сама Елена Троянская. Тогда у Ариэллы действительно имелся неплохой шанс привлечь внимание Ната, ведь на нее засматривались все – и могучий Гавриил, и черноволосый Самуил, и любвеобильный ветреный Уриэль. Но случилось нечто ужасное, поставившее Ариэлла перед мучительным выбором – или любимый скоропалительно скончается от полученных ран, или же она его исцелит, отдав свою жизненную силу. Ариэлла предпочла последнее. С той поры она в одночасье утратила сияющую молодость, уверенность в себе и мгновенно постарела, приобретя замашки трусоватой серой мышки. А недогадливый красавец Натаниэль выжил, даже не догадываясь о бесценном подарке, преподнесенном ему бескорыстно влюбленной девушкой. Ариэлла стыдилась своего вопиющего уродства, предпочитая прятать его от всех, скрываясь в недрах сырого подвала и проводя дни за стиркой рубашек, принадлежащих легкомысленному возлюбленному. Погрузив увядшее лицо в кружевные рюши, пахнущие его кожей и его бесподобными волосами, она грезила об утерянном безвозвратно счастье. Но все это было неважно, ведь он жил и продолжал беспечно порхать в голубом небе, совсем не помышляя о ней – старой, безобразной Ариэлле. И вот теперь – чудо свершилось. Возможно, это благой Господь наконец-то услышал ее страстные мольбы и послал ей волшебное видение, имевшее облик того, кто затмевал все сокровища мира. И Ариэлла обмерла, не смея вздохнуть, не находя нужных слов, почти теряя сознание...

Натаниэль натужно улыбнулся и поставил цветочный горшок прямо на раскрытый гробсбук. Ариэлла вздрогнула.

– Вы... ты... – она бледнела, краснела и заикалась, – ты пришел жаловаться? Возможно, простыни оказались жестковаты или рубашки плохо прогладили? Только скажи, и я немедленно все исправлю!

– Нет, нет, что ты! – возмущенно запротестовал Нат, чувствуя себя в чем-то виноватым, не зная, куда деваться от взгляда этих водянистых глаз, светящихся обожанием и восхищением. – Наоборот, я подумал, что давно уже должен был поблагодарить тебя за труды и лично зайти, выразить признательность и сказать, что ты самая лучшая! – к его немалому удивлению, эти слова дались ему легче, чем он предполагал. – Спасибо тебе за заботу, Ариэлла!

Ангелица обмерла вторично. А затем по впалым женским щекам разлился смущенный румянец, делая ее почти красивой. Она нервно провела рукой по волосам и рефлекторно сдернула резинку, удерживающую на затылке туго стянутый пучок. Длинные прямые пряди рассыпались по хрупким плечам, оказавшись не такими уж жидкими и блеклыми, и приятно обрамили худое лицо. Ариэлла несмело улыбнулась, показав маленькие, безупречно белые зубки. Нат задумчиво склонил голову на бок, пристально рассматривая преобразившуюся женщину. Оказывается, глаза у нее пикантно миндалевидные, губы хорошей формы, просто бледные и потрескавшиеся, нос вовсе не хрящеват, а украшен премилой горбинкой, да и волосы отливают удивительным серебристым цветом. Он растерянно приподнял одну прядь, с удовольствием вдыхая исходящий от нее запах свежей речной воды, и задумчиво провел пальцем по нежному, трепетно дрожащему подбородку. Это все дурное освещение виновато, понял ангел, именно оно придает этот ужасный землистый оттенок ее перламутровой коже.

Ариэлле просто нужно хорошенько подкормить, приодеть и научить пользоваться косметикой, и тогда, пожалуй, она станет чудо, как хороша...

Ангелица послушно прильнула к его широкой груди, не смея поверить в происходящее. Нат медленно наклонил голову и поцеловал бледные губы доверчивой женщины. Поцелуй длился долго, полностью преобразив старую уродливую Ариэлла. Ее дыхание участилось, сердце забило сильнее, кровь прилила к лицу, глаза заблестели. Натаниэль отклонился, оценивая произошедшую перемену. Талия у ангелицы была неправдоподобно тонкой, а под грубым платьем обнаружились маленькие, восхитительно упругие груди.

– Аллилуйя, ты и правда, лучше всех! – совершенно искренне воскликнул Нат, жадно целуя ее снова и снова. – Нет, все-таки Сел права, ты – настоящее сокровище. И как это я не замечал тебя раньше?

Ариэлла рассмеялась тихим грудным смехом, взволновавшим не только сердце Натаниэля, но и другие, более интимные мужские органы.

– Так это она отправила тебя ко мне? О, я не забуду ее благодеяния! Чего же она хочет?

– Милая, – признался Нат, по-прежнему не выпуская из своих сильных рук ее гибкого девственного стана, – я дурак и сволочь! Ты имеешь полное право прогнать меня подальше и подарить свою прелесть более достойному поклоннику!

– Так ты мой поклонник? – тихо ворковала женщина, млея в объятия красавца. – Я ценю твою откровенность и прошу, расскажи мне всю правду.

Нат, мучимый раскаянием, чистосердечно признался, что по плану хитроумной Селестины должен был очаровать старую деву и под предлогом будущего свидания выманить у нее запасной ключ от кладовой, где хранились ритуальные одеяния ангелов. А уж там, выкрав пару плащей и облачась в них, под видом одного из членов небесного капитула провести Селестину на тайную встречу со стригоями, назначенную на следующую ночь.

Услышав про стригоев, Ариэлла изменилась в лице.

– Нат, – она крепко сжала ладонь возлюбленного, – возможно, ты и не в курсе, но я тоже вхожу в состав капитула и могу запросто участвовать на любом совещании. Я дам Селестине свой собственный плащ и помогу изобразить меня, дабы она получила нужную информацию. Думаю, эта девушка умна и очень смела. Приезд стригоев не предвещает нам ничего хорошего, и наш долг состоит в том, чтобы расстроить их черные планы. Я помогу вам всем, чем смогу!

Натаниэль радостно усмехнулся. Ариэлла оказалась не только красива, но и чрезвычайно сообразительна, поэтому его внезапный интерес к этой женщине возрос многократно.

– Дорогая, – нежно шепнул он, – но мы с тобой встретимся еще, не так ли? Тебе не кажется, что твои усохшие крылья давно уже нуждаются в купировании?..

Намек был более чем прозрачен. Ариэлла целомудренно покраснела...

– Пойдем, я дам тебе плащи, – тихо ответила она, опуская ресницы – сказочно длинные и солнечно-золотистые, к полнейшему восторгу Ната. – Поговорим о нас позднее, сейчас важнее всего разоблачить козни стригоев.

Несколько минут спустя ангел покинул сырой подвал, унося с собой два свернутых плаща, а также бесчисленные поцелуи и наставления Ариэллы. Странно, но сейчас он ощущал себя по-настоящему счастливым. А ангелица вынула из ящика стола складной образок и жарко возблагодарила Господа, наконец-то щедро одарившего ее за долголетние молитвы и страдания. Аскетичный лик Иисуса смотрел строго, но немного иронично. «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» – безмолвно подсказывали его добрые серые глаза.

Рыцарь Гонтор де Пюи предавался любимому занятию – воспоминаниям, когда дверь его личных покоев сорвалась с петель и шумно грянулась об пол, не устояв перед напором разгневанной Андреа. Старик изумленно приподнялся в мягком кресле, но стригойка, на этот

раз совершенно утратившая свою обычную сдержанность и элегантность, одним страшным прыжком преодолела разделяющее их расстояние и вонзила острые когти в его морщинистые запястья, пригвоздив к дубовым подлокотникам. Ее побелевшее лицо с неестественно расширенными зрачками угрожающе нависло над сухощавой фигурой престарелого патриарха, будя в нем давно позабытое чувство безотчетного страха.

– Предатель, – злобно прошипела Андреа, с наслаждением выплюнув это оскорбительное слово в лицо уважаемого всеми кланами гроссмейстера, – жалкий глупец, маразматик, выживший из ума святоша. Скажи, давно ли ты продался этим ватиканским крысам, отринув милости нашего истинного отца? Видимо, пример Иуды оказался чрезвычайно заразительным. Сколько же серебряников пообещали тебе?

Де Пюи предпочел промолчать, ожидая, пока она выговорится. Он мысленно пытался прикинуть, какие же из тщательно скрываемых фактов все-таки стали известны неистовой стригойке. Андреа отпустила руки патриарха, несколькими нервными резкими взмахами отряхнула запылившийся низ черной куртки, выдернула из-за стола тонконогий стул и усеялась перед стариком, не сводя с него своих синих, светящихся недоверием глаз.

– Рассказывай! – властно приказала она, борясь с раздражением и картинно закидывая ногу на ногу. – Подробно и без утайки, – в длинных пальцах стригойки появился массивный портсигар, чиркнуло колесико золотой зажигалки. Андреа глубоко затянулась, выпуская к потолку ароматное облачко табачного дыма. – Я имею право знать все!

Рыцарь иронично приподнял седую бровь.

– О каком праве идет речь? Закон повелевает тебе хотя бы номинально подчиняться старшему в роду, пока ты не получила знак власти, дарованный Темным отцом!

Губы Андреа скривились в презрительной усмешке.

– Что мне закон? Я – выше закона!

Де Пюи удрученно покачал лысеющей головой.

– Не мы создавали законы мироздания, и не нам их отменять. Выше закона стоит правда, которую ты боишься признать.

– А выше правды? – небрежно спросила стригойка, тщетно пытаясь скрыть овладевшее ею беспокойство.

– Справедливость! – тихо, но твердо произнес Гонтор. – А за справедливостью следует милосердие, уступающее лишь любви. Но главное всего – Бог, ибо он есть и правда, и справедливость, и милосердие, и любовь в одном лице. Квинтэссенция самого смысла жизни.

При упоминании Бога Андреа дернулась и зашипела, словно получив сильный и болезненный ожог.

– Так вот в чем дело, я оказалась права. Ты предал отца, переметнувшись на сторону безродного выскочки из Назарета и его цепных церковных псов. Именно поэтому ты получил возможность жить в самом центре его власти – в Риме. И после всего этого ты еще осмеливаешься рассуждать о справедливости и правде? Подлый лжец!

Рыцарь тяжело вздохнул, устало смежив веки. Она не понимала, не хотела понять истинного положения вещей. Она жаждала крови и власти, напрочь отменяя здравый смысл и соображения морали, не заботясь о мире и равновесии. Она желала войны!

Гонтор давно уже раскаялся в содеянном, отказавшись от жизни и примирившись с Церковью, однако не осмеливаясь просить прощения у Бога. Да и заслужил ли он прощение? Наверное, нет, ибо его прегрешения все равно оставались слишком велики. Но он с испугом наблюдал, как начавшееся почти восемьсот лет назад противостояние все обострялось и обострялось, увлекая мир в пучину Тьмы. И если Ватикан с годами становился все лояльнее и терпимее по отношению к стригоям, готовый пойти на компромисс и разумные уступки, то молодые, сильно разросшиеся кланы, наоборот, исповедовали единственный, чудовищно жестокий принцип – все или ничего. Церковь принципиально прекратила преследование

стригоев, позволив им жить своим замкнутым мирком, снабжая их кровью и лицензиями и даже узаконив ежегодную Великую охоту. Но аппетиты Проклятых разрастались час от часу, заставляя их противиться Соглашению с Ватиканом, более двухсот лет назад подписанному между Гонтором де Пюи и тогдашним папой. Двести лет церковь неукоснительно соблюдала данные обещания. И вот теперь стригои пытались разорвать затянувшееся перемирие и жаждали пересмотра дарованных им прав, разрушая хрупкую основу своего спокойного существования, заботливо выстроенного Гонтором де Пюи.

Андреа легко прочитала мысли старого рыцаря и залилась обидным смехом.

– Ты безнадежно устарел, дедушка, твое время прошло! – она снисходительно потрепала слабую кисть, бессильно лежащую на подлокотнике. – Обещаю – теперь все пойдет по-другому!

Старик отрицательно мотнул подбородком. Андреа хищно ослабилась:

– Я хочу знать о Дочери Господней и трех ключах от Ада!

– Никогда, – холодно отчеканил Гонтор, – никогда ты не узнаешь этих великих тайн! Уходи!

– Хорошо! – вдруг неожиданно покладисто согласилась стригойка, поднимаясь на ноги. – Я уйду, но клянусь, ты еще пожалеешь о том, что предал свой народ!

Она обманчиво нежно положила руки ему на грудь и обожгла лоб старого рыцаря мимолетным поцелуем. Забота, граничащая с издевательством. А затем резко развернулась на высоких каблуках и, не прощаясь, покинула полутемную комнату.

Де Пюи задумчиво смотрел вслед несдержанной правнучке, не столько дивясь ее взрывному характеру, сколько вспоминая пророческие слова своего давно умершего друга – француза Жан-Жака Руссо, когда-то размашисто написавшего на полях очередного философского трактата: «Близится век революций!» Умница и провидец, страстный сторонник свободы вероисповедания, идей демократии и всеобщего равенства не учел одной страшной истины, хорошо знакомой «Совершенному» – ни одна революция не обходится без кровопролития. Именно в эти переходные периоды борьбы за власть и влияние на жизнь нации колесо правосудия непредумышленно нарушает свой размеренный ход, превращаясь в жернов Молоха, без разбору заживо перемалывающий как правых, так и виноватых. Руссо так и не сумел постичь сего печального побочного факта. Не понимала его и Андреа. А непонимание, в свою очередь, вело к бессмысленному росту численности жертв, чего старый альбигоец, заикленный на справедливости, не воспринимал категорически.

– Зря ты отрицаешь законы жизни, девочка! – печально вздохнул патриарх, жалея вспыльчивую девушку. – Ведь и они могут начать отрицать тебя! Но я попытаюсь исправить ситуацию – ради твоего же благополучия, пусть это и противоречит моим принципам...

Гонтор недовольно поморщился, нехотя протянул руку и взял со стола серебристую трубку сотового телефона, усилием воли преодолевая свою нелюбовь ко всем этим новомодным штучкам. Узловатый палец долго и неумело тыкал в неудобные кнопки. Рыцарь хмурился, но упорно продолжал набирать нужный ему номер, по странной прихоти судьбы оказавшийся именно тем самым, по которому совсем недавно звонил мнимый владелец лавки, продавший Андреа хрустальный анх.

– Слушаю! – прозвучал далекий приятный голос.

– Нужно встретиться, – хрипло выдал де Пюи, – время пришло.

– Хорошо, – с готовностью отозвался его собеседник, – через два часа в кафе «Греко» на углу улицы Кондотти.

«Наивный простофиля! – самодовольно констатировала Андреа, чутко прислушиваясь к крохотному динамику. – Он даже не понял, что, изображая спонтанную ярость, я успела приколоть «жучок» на лацкан его пиджака. Так, значит, через два часа! С кем же он встре-

чается?» – она распахнула дверцу машины, и еще до того, как ее стройные ноги скрылись в салоне белого лимузина, план сбора нужной информации уже четко выстроился в этой прекрасной и отнюдь не глупой головке.

Ежегодно тысячи туристов и паломников посещают самые знаменитые уголки Рима, Венеции и Турина, стремясь хоть немного приобщиться к святым таинствам Господним. Экзальтированные толпы народа собираются у стен самого большого купольного сооружения планеты – собора Святого Петра, выстроенного в наивысшей точке обширного ватиканского комплекса, вольно раскинувшегося на семи живописных холмах и берегах полноводного Тибра. В центре фасада этого величественного собора находится мраморный балкон, задрапированный тяжелыми пурпурными гардинами. По выходным дням и главным религиозным праздникам гардины раздергиваются, папа выходит на балкон и отечески благословляет собравшихся на площади католиков. Но, увы, большая часть благочестивых прихожан, набожно бьющих поклоны на площади, даже и не догадывается о существовании святыни, более легендарной, чем все памятники Ватикана вместе взятые, и тщательно запрятанной в подвале старинного аббатства ди Стаффарда на границе крохотного, ничем ни примечательного городка Салуццо. А между тем именно там хранится деревянная чаша, созданная руками Иисуса Христа – священный Грааль, вместилище веры, неуязвимости и бессмертия. Раз в год ее извлекают из гранитного саркофага и используют для проведения ритуала Причастия, дарующего силу молодым экзорцистам, призванным охранять незыблемые Божьи заветы. Два вооруженных клинками ангела постоянно несут почетный караул около Грааля, оберегая его от любого посягательства извне. Круглый зал освещается несколькими свечами, купаясь в сонном полумраке. Там упоительно благоухает миррой и ладаном, лики святых умиротворенно взирают с икон, и кажется – под этими сводами смиренно замирает само время, осознав свое бессилие перед могуществом хранимого здесь сокровища. Но сегодня все было не так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.